ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 76 (3105) Суббота, 27 июня 1953 г. Цена 40 коп.

ПО ЖЕЛАНИЮ ПОКУПАТЕЛЯ

Бывало так. Соберутся за столом в большом кабинете представители текстильных предприятий, торговли, швейных фабрик и мирно беседуют.

— Нам нравится эта ткань, — говорит представитель Министерства торговли, перебирая пальцами тонкий материал. — Она хороша к лету для дамских платьев.

— Да, такой материал и в деревне нарасхват, — согласится представитель Центросоюза. — Мы тоже берем его...

— Из такого шелка и шить приятно, — подтвердит представитель швейных фабрик...

Но бывало и так. Когда нельзя было отобрать только хорошие, ходовые товары, представитель торгового ведомства добирал недостающее количество тканей из второго сорта.

За последнее время покупатель спрашивает второсортный товар все реже и реже. Вот этот факт и нарушил теперь мирные беседы за большим столом в центральном ассортиментном кабинете Министерства легкой и пищевой промышленности СССР. Здесь все чаще и чаще стали возникать горячие споры.

Во вторник Щелковский хлопчатобумажный комбинат показывал свою продукцию—пятьсот образцов ситца, сатина, фланели и гаруса. Пятьсот различных рисунков! Торговые представители отобрали немало хороших тканей, но от многого решительно отказались. Из рук в руки передавался кусок гладкокрашеной бумазеи бордового цвета. Никто не хотел брать ее для продажи.

— Вы не имеете права отказываться,—волновался представитель комбината, — у нас план, мы много выпустили этой ткани!

— Теперь это нас мало касается, — спокойно отвечал представитель министерства. — Мы с удовольствием возьмем от вас хорошую ткань, а зачем нам эта, да еще с такой расцветкой,—чтобы забивать полки магазинов? Отстаете от жизни, товарищи, покупатель богаче стал, и спрос у него иной...

Прежде большой спрос был на летние ткани из хлопчатобумажной пряжи — майю, вольту, вуаль. Сейчас чаще стали спрашивать штапельное полотно. Министерство легкой и пищевой промышленности СССР учло это и решило в течение года выпустить штапельных тканей в два с половиной раза больше, чем в прошлом году. Весной, перед летним сезоном, рассматривались триста два новых рисунка для штапельного полотна. 32 из них забракованы, 12 проверяются в торговой сети, остальные—в производстве.

В деревне обычно покупали диагональ и молескин — гладкокрашеные хлопчатобумажные ткани для верхней одежды. Теперь сельский житель хочет носить костюм из более дорогих ворсовых тканей. Их выпуск также значительно увеличился.

Когда-то зефировые ткани были самыми распространенными для изготовления мужских сорочек. Сейчас для сорочек выпускается полотно из искусственного шелка со специальной раскраской. Для дамского платья текстильщики вырабатывают новые, особенно ходовые: креп-московский, креп-октябрьский, креп-южный, а также ткани из натурального шелка. В этом году магазины дополнительно получат ткани с повышенным содержанием тонкой шерсти, лучшие сорта шелка и ковровых изделий. В сравнении с прошлым годом текстильщики уже выпустили за пять месяцев сверх плана около 27 миллионов метров хлопчатобумажных, шелковых и шерстяных тканей.

Предприятия легкой промышленности делают все, чтобы улучшить качество своих товаров.

М. ПАВЛОВ

Вступление в жизнь

Вечером в училище пришла лучшая закройщица города. Девушки давно готовились к ее приходу: откладывали ежемесячно небольшую сумму из стипендии, присматривали в магазинах материалы, брали образцы. Шли к директору училища Антонине Владимировне Ледниковой за советом: какой материал лучше подойдет на платье, первое праздничное платье, приобретенное на свой заработок да еще сшитое своими руками.

В одном из классов училища девушки окружили закройщицу. Они держали в руках отрезы тканей, листали журналы мод. Валя Романова и Алла Желтикова выбрали замысловатые фасоны с оборками на подоле и блузке.

— Не увлекайтесь, девушки, это вам не подойдет,— говорила закройщица, — простота рисунка всегда украшает платье.

Все это мне довелось наблюдать в Орловском специальном сельскохозяйственном училище, в котором готовят для совхозов квалифицированных садоводов и овощеводов. Обучаются здесь девушки в возрасте от 14 до 18 лет, потерявшие родителей в годы войны. До училища они жили в детских домах, а потом перешли в училище на полное государственное обеспечение.

За четыре года они имеют возможность завершить среднее образование и получить квалификацию мастера сельского хозяйства. У училища триста гектаров земли под садами, питомниками, ягодниками, коллекцией овощных культур, есть фермы коров, овец, своя пасека. Для знакомства с техникой имеются новейшие сельскохозяйственные машины.

Кроме занятий в классах и практики, девушки учились здесь готовить вкусную пищу, шить платье, белье, постельные принадлежности, тому, что обычно познается дома от матери.

— Когда прибывают новички, — рассказывает директор училища, — мы прежде всего беседуем с ними о самообслуживании. Девочки увлекаются кулинарией, под руководством шеф-повара учатся готовить пищу, печь пироги. Раньше на всех выпускных вечерах торжественный ужин готовили и сервировали сами девочки.

— Почему раньше?

— Запретили! Нашелся «мудрец» в бывшем Министерстве трудовых резервов, который подсчитал, что дежурство каждой ученицы в столовой один раз в сто дней наносит... большой ущерб ученью. Специальным приказом ученицам запретили дежурство в столовой.

Вместе с директором училища мы осматривали опытные поля. Закончив работу на участках, девушки с песнями отправились за речку. Тут, в молодом леске, раскинулся их летний лагерь.

— Вы бы послушали, как выступает наш сводный хор!—рассказывали педагоги. — Двести пятьдесят девичьих голосов! Девушки занимаются и художественной гимнастикой. Все это развивает любовь ко всему красивому, повышает культуру.

Через два месяца девушки разъедутся по совхозам. Поедут они на постоянную работу, надо будет на месте обзаводиться хозяйством. Училище помогло им приобрести постельное белье, посуду, все необходимое в хозяйстве.

Приготовить обед для себя они тоже сумеют, несмотря на странный запрет бывшего министерства.

П. МАКРУШЕНКО,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

ОРЕЛ

„Гости" в родном колхозе

Экзамены окончены. Сегодня у ребят Поддубской сельской школы торжественный день, день вручения свидетельств об окончании семи классов.

Директор школы Степан Павлович Павлов, который вот уже тридцать с лишним лет учительствует в селе Поддубки, произносит напутственную речь.

Один за другим выпускники говорят краткие, от души идущие слова благодарности учителям.

Официальная часть закончена, но ребята не расходятся — им, повидимому, нелегко расставаться со школой, с педагогами. Разговоры идут на самые различные темы, и снова, уже не в первый раз, переспрашивают ребята друг друга, кто куда думает пойти учиться, какую избрать профессию.

Интересно проследить, какой жизненный путь избирает сельская молодежь, в какие учебные заведения стремятся поступить юноши и девушки, кем хотят быть. Интересно еще и потому, что это поможет выяснить, в какой мере обучение, воспитание в школе прививает молодежи любовь к сельскохозяйственному труду, к таким профессиям, как, скажем, агроном, зоотехник, механизатор...

Директор школы по моей просьбе предложил ребятам ответить на вопрос, кто где собирается учиться, какую получить профессию. Из тринадцати человек пятеро решили поступить в индустриальный или горный техникум, четверо — стать учителями, двое — фельдшерами, один — шофером (обязательно в городе), а один — офицером Советской Армии. Никто не пожелал стать специалистом сельского хозяйства. Почему?

Послушаем, что говорит Женя Балихов, сын рядовой колхозницы артели имени Молотова, Медновского района. Он решил поступить в Калининский индустриальный техникум.

— По-моему, — объясняет Женя, — в городе жить лучше. Там и зарплата постоянная.

— Но ведь и агроном, и зоотехник тоже получают постоянную зарплату? Работа у них интересная.

— Все равно, в городе лучше.

Продолжаем беседу. Хочется узнать, каковы сельскохозяйственные познания этого живого, бойкого колхозного паренька, только что окончившего семилетку. Речь идет о самых элементарных вещах.

— Пшеницу в вашем колхозе сеют?

— Сеют.

— Какие сорта?

Женя молчит, не знает, что сказать.

— На какую глубину лучше сажать картофель?

— Сантиметров на двадцать! (?)

Довольно смутные познания об основах земледелия и у Вали Овчинниковой. Она не могла сказать, сколько за день корова может дать молока (это в деревне-то!).

Я заинтересовался судьбой ребят, окончивших семилетку в предыдущие годы. Где они сейчас, какую избрали профессию? Мы сидим в учительской, вместе с директором просматриваем аккуратно сшитую тетрадь, где записаны имена бывших учеников. Выпуск 1952 года... Зоя Еремеева учится в профтехшколе; Геннадий Свистунов — в индустриальном техникуме, Рима Васильева работает на ткацкой фабрике.

— Неужто из двадцати человек никто так и не поступил в сельскохозяйственный техникум?

Степан Павлович еще раз прочитывает список своих воспитанников, вспоминает, где они сейчас, отвечает:

— Представьте себе, ни одного!

Обращаемся к списку выпускников 1951 года. Выясняется, что из 23 человек, окончивших школу, ни одного нет в сельскохозяйственном техникуме или на курсах.

Разговор зашел о колхозе. Степан Павлович оказался человеком сведущим, знает экономику колхоза, знает людей. После укрупнения колхоза руководить хозяйством стало сложнее, нужны квалифицированные кадры, а их не хватает. Одних полеводческих бригад в колхозе девять да несколько животноводческих ферм. Больше года здесь не могут подобрать грамотного, знающего бригадира-полевода, заведующего фермой.

Так почему же ребята не хотят ехать на специальные курсы и в школы для того, чтобы работать в колхозе?

— Охотников нет, — сокрушенно качает головой директор школы.

Можно ли считать, что школа здесь «ни при чем»? Нет, нельзя!

Школа виновата в том, что выпускники слабо разбираются в элементарных вопросах сельского хозяйства, в основах земледелия и животноводства. Мало, крайне мало знакомят их с передовой агротехникой, с достижениями агробиологической науки; ученикам незнакомы принципы работы трактора, автомобиля, льнокомбайна, не говоря уже о том, что они не знают, как пустить в ход машину, управлять ею. Мало кто из учащихся знает о практике выдающихся мастеров высоких урожаев, в том числе и о своих местных, калининских мастерах-льноводах. А ведь, казалось бы, чувство патриотизма, гордость за славу калининского льноводства, должно быть присуще сельской молодежи области. Но школа не прививает этого чувства.

Отрыв от колхоза — серьезный недостаток Поддубской школы: школа сама по себе, колхоз — сам по себе.

* * *

Молдинская неполная средняя школа расположена в глубинном Брусовском районе. Своеобразно красивы здешние места. Село окружают сосновые и березовые леса, отменные заливные луга.

Если колхоз имени Молотова Медновского района ничем особенно не примечателен, то колхоз Молдино — это разностороннее, культурное хозяйство с полуторамиллионным доходом. Село большое. Есть гидроэлектростанция, хорошо оборудованные мастерские, двигатели, водопровод, агрохимлаборатория. На фермах—племенной скот. Урожаи льна, зерновых и других культур — самые высокие в районе; радио, кино, библиотека давно вошли в быт колхозников.

Председатель артели Евгений Александрович Петров, человек, умудренный житейским опытом, рассказывает о перспективах дальнейшего подъема артельного хозяйства. В этом году достраивается вторая колхозная ГЭС, широко развертывается механизация трудоемких работ на фермах, идет большое строительство.

Но чтобы двигать хозяйство вперед, нужны квалифицированные кадры, люди разных профессий — электрики, механики, строители, зоотехники, ветеринары. Жизнь требует, чтобы, скажем, во главе полеводческих бригад укрупненного колхоза стояли агрономы и агротехники.

— В специалистах у нас большая нужда,— говорит председатель.

Но, как ни странно, в Молдинском колхозе, как и в колхозе имени Молотова, нет своих агрономов и зоотехников; нет здесь и бригадиров, заведующих фермами из числа молодых колхозников, окончивших местные школы-семилетки и десятилетки.

52 ученика Молдинской школы писали сочинение на тему «Кем я хочу быть», и оказалось, что все, за исключением одной девочки, стремятся в город, где, как им кажется, жить интереснее, веселее, где можно полнее проявить свои способности. Деревенские профессии представляются ребятам малоперспективными, «скучными».

Некоторые из окончивших семилетку в прошлом году обязательно стремились попасть на «легкую» должность, устроиться в какую-нибудь контору. Не для того, мол, учились, чтобы работать в поле...

Явление тревожное. И свидетельствует оно, в первую очередь, о серьезном пробеле в работе сельских школ Калининской области, да, пожалуй, и не только Калининской. Юношам и девушкам не прививается любовь к природе, к сельскохозяйственным профессиям, перед ними не раскрываются большие перспективы творческого труда, обновляющего землю, обеспечивающего высокие урожаи на основе мичуринской науки. А какое широкое поле деятельности перед зоотехником, электромехаником, механизатором!

* * *

В отличие от поддубских учителей, которые считают, что школа тут «ни при чем», молдинские педагоги признают свою ответственность за отрыв школы от сельскохозяйственного производства. И делают правильный вывод — надо смелее браться за осуществление политехнического обучения. Преподавание таких предметов, как химия, физика, биология, основы дарвинизма надо тесно увязывать с применением знаний на производстве.

Пока же в Молдинской школе отсутствуют простейшие элементы политехнизации, преподавание ведется, главным образом, с помощью мела и классной доски. А это приводит к тому, что, по свидетельству преподавателя физики М. Крылова, большинство ребят беспомощны в простейших практических делах. Мало того, что они не знают, как действует аккумулятор на автомашине,— когда посреди деревни распряглась лошадь, школьники не смогли ее запрячь... Вот до каких анекдотов доходит дело.

В Молдино есть пришкольный участок, но польза от него невелика. Во-первых, он слишком мал — всего несколько квадратных метров, во-вторых, обрабатывают его прадедовским способом. Землю вскапывают лопатами, семена высеивают руками, тогда как рядом, на колхозных полях,— тракторы, сеялки. Понятно, что никакого подобия колхозного производства в миниатюре на пришкольном участке не существует.

Дошло до того, что в Молдино некоторые родители запрещают своим ребятам работать в поле. Так было осенью прошлого года, когда старшеклассники помогали колхозу убирать картофель. Иные родители говорили: пусть ребята учатся, а не работают, не для этого их растим... Откуда у людей, знающих великую воспитательную силу труда, такая «точка зрения»? И в этом, думается нам, виноват педагогический коллектив, который не воспитывает в школьниках уважения к сельскохозяйственному труду, не ведет разъяснительной работы и среди родителей.

Надо открывать перед сельскими школьниками широкие перспективы сельскохозяйственного образования, работы на поприще обновления земли, создания изобилия сельскохозяйственных продуктов. Еще и сейчас не поздно провести такие беседы с выпускниками, но беседы не формальные, а душевные, увлекательные. И привлечь к этому педагогов, специалистов, лучших людей колхозов.

Тогда юноши и девушки, окончившие среднюю школу на селе, не будут себя чувствовать гостями в родном колхозе.

К. ВИНОКУРОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

КАЛИНИНСКАЯ ОБЛАСТЬ.

УСПЕХ НОВОГО ЗАЙМА

В городах и селах страны продолжается подписка на Государственный заем развития народного хозяйства СССР выпуска 1953 года. Дружной подпиской на заем советские люди демонстрируют свою безграничную любовь и преданность Родине.

Трудящиеся охотно одалживают государству свой двухнедельный заработок, зная, что эти деньги будут дополнением к государственному бюджету, что трудовые рубли, вложенные в заем,—это новые жилые дома, санатории, стадионы, заводы, фабрики и институты.

Со всех уголков Советского Союза продолжают поступать вести об огромном успехе нового займа.

НА СНИМКЕ: в сельскохозяйственной артели «Красное знамя» Пушкинского района Московской области. На новый заем подписывается колхозница **К. Ковалева.**

Фото В. БОРОДИНА

СЛОВО ДРУЗЕЙ

Рабочие предприятий Москвы клеймят позором преступные фашистские провокации в Берлине. Собрания, посвященные этим событиям, состоялись на заводах «Красный пролетарий», «Калибр», «Каучук», «АТЭ-1», малолитражных автомобилей, Первом подшипниковом, на фабриках имени Калинина, имени Клары Цеткин, комбинате имени Щербакова, Краснохолмском камвольном комбинате и на других.

Рабочие столичных предприятий приняли обращения к немецким рабочим, в которых призывают их неустанно повышать бдительность. Многотысячный коллектив Московского автозавода имени И. В. Сталина обратился с письмом к берлинским рабочим.

Обращение к берлинским рабочим

Мы, рабочие, инженерно-технические работники и служащие Московского автомобильного завода имени Сталина, клеймим позором преступные авантюры иностранных наймитов в Берлине. Мы знаем, что учиненная 17 июня против немецкого народа провокация тщательно подготовлялась теми реакционными кругами западных держав, которые пытаются сорвать дело мира, обострить отношения между странами, посеять смуту между народами и сорвать дело воссоединения Германии.

В эти трудные для германского народа дни мы выражаем полную солидарность с рабочим классом и всеми трудящимися Германии и вместе с ними убеждены, что провокация в демократическом секторе Берлина является делом рук тех, кто боится мирного разрешения германского вопроса, кто страшится упрочения демократических сил германского народа, кому ненавистны успехи Германской Демократической Республики, прочно ставшей на путь мира и демократии.

Организуя провокацию в Берлине, империалистические заговорщики и их пособники из числа крупных западногерманских монополистов пытались вовлечь немецкий народ в войну, которая принесла бы ему новые ужасные бедствия и разорение. Преступная авантюра иностранных наймитов провалилась. События в Берлине показали крепость демократического режима в Германской Демократической Республике, поддержку ее Правительства и Социалистической единой партии широкими народными массами.

Мы с радостью узнаем, что трудящиеся Германской Демократической Республики, несмотря на происки иностранных наймитов, активно поддерживают действия своего Правительства и Социалистической единой партии Германии, направленные на пресечение вражеских вылазок. Нам известно, что германский народ полностью одобряет мероприятия своего Правительства по решительному повышению жизненного уровня населения. Миллионы немцев понимают, что эти мероприятия значительно облегчают решение главной задачи, стоящей перед германским народом,—объединение Германии на мирных демократических началах.

Мы уверены, что рабочий класс и все трудящиеся Германии не поддадутся никаким провокациям, повысят бдительность, образцовым трудом поддержат Правительство Германской Демократической Республики, его борьбу за объединение Германии в единое, демократическое, миролюбивое государство.

Рабочие Германии, вам обеспечена горячая поддержка со стороны всего демократического лагеря! Теснее сплачивайтесь вокруг Правительства Германской Демократической Республики, вокруг Социалистической единой партии Германии!

Да здравствует дружба и сотрудничество между германским и советским народами!

Долой провокации врагов мира!

Как готовилась провокация Ли Сын Мана

«Ли Сын Ман освободил пленных, но не репатриировал их. Фактически он за один день сделал то, что командование Объединенных Наций на протяжении двух лет пытается сделать более медленно...»

(Из сообщения агентства Юнайтед Пресс от 19 июня 1953 года)

Трудно не верить тому, что утверждает в этом сообщении одно из крупнейших информационных агентств США. Если сопоставить факты последних лет, если перелистать комплекты американских и других зарубежных газет хотя бы за тот период, когда в Паньмыньчжоне месяцами обсуждался вопрос о судьбе военнопленных, то станет ясно, что высказывание Юнайтед Пресс на этот раз соответствует истине.

Нет необходимости вспоминать здесь трагические подробности событий на острове Кочжедо — они памятны всему миру. Теперь, когда Ли Сын Ман и его клика «освободили» из лагерей десятки тысяч корейских военнопленных и насильно загоняют их в свою армию, можно напомнить, что действия американцев и лисынмановцев на Кочжедо были направлены к тому, чтобы преградить попавшим в плен бойцам корейской Народной армии и китайским добровольцам путь на родину, чтобы задержать их насильственно в Южной Корее и пополнить ими битые армии Ли Сын Мана и Чан Кай-ши.

В начале мая прошлого года американский генерал Колсон в ответном письме военнопленным, захватившим его коллегу генерала Додда, как известно, заявил, что «не будет более принудительного отбора или какого-либо возвращения под ружье военнопленных этого лагеря».

Напомним также, что министерство обороны США безуспешно попыталось тогда опровергнуть признание Колсона. Разоблачая смысл этого «опровержения», прогрессивная американская газета «Дейли уоркер» 15 мая прошлого года писала, что весь обман с «добровольной репатриацией» имеет целью «обеспечить Ли Сын Ману и Чан Кай-ши больше людских ресурсов»...

Как сообщал корреспондент агентства Синьхуа из Кэсона, 22 июня прошлого года в ходе переговоров в Паньмыньчжоне представители американской стороны, как известно, открыто заявили, что они готовятся передать Ли Сын Ману 27 тысяч военнопленных корейско-китайской стороны, которые были незаконно «классифицированы» ими как «южнокорейские гражданские лица».

Спустя несколько дней американское командование в Южной Корее приступило к «освобождению» из лагерей в Йончоне этих северокорейских военнопленных.

30 июня 1952 года американская газета «Нью-Йорк таймс» напечатала сообщение из Йончоня своего корреспондента в Южной Корее Дж. Баррета под заголовком «Союзники освободили 1800 южнокорейцев». Эти пленные, говорилось в сообщении, являются «первой партией из 27.000 пленных, которых было приказано освободить как некоммунистов».

Далее в сообщении говорилось:

«Союзное командование решило освободить всю эту большую группу южнокорейцев раньше, чем это было предусмотрено первоначальным планом...»

Баррет сначала указал, что «никаких планов в отношении освобожденных не объявлено», потом обронил замечание, будто «некоторые из освобожденных заявили, что они готовы и жаждут вступить в южнокорейскую армию», и, наконец, закончил фразой, звучащей, как самое откровенное признание: «Часть из них, возможно, будет призвана на военную службу».

Признание газеты «Нью-Йорк таймс» подтверждается показаниями захваченных в плен Народной армией и китайскими добровольцами солдат, попавших в южнокорейскую армию из американских лагерей для военнопленных.

По сообщению Центрального телеграфного агентства Кореи от 22 декабря 1952 года, Ким Сон Тхэ, военнопленный, находившийся в лагере на Кочжедо, а затем переданный в армию Ли Сын Мана, показал, что «американцы с 1 июля этого (т. е. 1952) года начали «освобождать» пленных. После «освобождения» пленным были выданы «гражданские паспорта». Затем они были насильно отправлены в лисынмановскую армию.

Агентство Синьхуа сообщило, что «в октябре прошлого года американцы тайно передали лисынмановским бандитам под предлогом «освобождения» 11 тысяч военнопленных, которых заставили служить в лисынмановской армии... Тот факт, что, кроме этих 11 тысяч военнопленных, американцы еще в июле 1952 года передали в руки лисынмановских бандитов 27 тысяч военнопленных, говорит о том, что по меньшей мере 38 тысяч военнопленных были превращены в пушечное мясо для американцев».

В декабре 1952 года в американской печати было опубликовано заявление сенатора республиканца Бриджеса, в котором он призывал к «замене американцев корейцами на поле боя». Об этом же писал 13 марта этого года журнал «Юнайтед Стэйтс ньюс энд Уорлд рипорт», сообщавший, что предусматривается «укомплектование фронта на сто процентов южнокорейскими войсками». По данным журнала «южнокорейские войска будут доведены с 14 до 20 дивизий».

За счет каких же резервов предполагается этот рост? Об этом откровенно заявили южнокорейские газеты еще в декабре 1952 года. Они утверждали, что между американскими военными властями и «правительством» Ли Сын Мана заканчиваются переговоры о передаче северокорейских военнопленных, находящихся в американских лагерях, лисынмановцам.

13 мая этого года глава делегации «войск Объединенных Наций» на переговорах в Паньмыньчжоне, американский генерал Гаррисон потребовал, чтобы в ведение комиссии по репатриации из нейтральных государств, создание которой было согласовано между сторонами, были переданы только китайские военнопленные, якобы не желающие репатриироваться, а военнопленные бойцы корейской Народной армии, не репатриируемые непосредственно, были бы «освобождены на месте», т. е. в Южной Корее.

Таким образом, генерал Гаррисон официально предлагал осуществить ту самую операцию «освобождения», которую теперь проделали Ли Сын Ман и его клика.

Но предложение, внесенное Гаррисоном, было в конце концов пересмотрено. Только после этого, 8 июня, было достигнуто соглашение о принципах репатриации военнопленных. В нем, в частности, говорится:

«С целью обеспечить, чтобы **все** (выделено нами.—**Ред.**) военнопленные имели возможность воспользоваться своим правом на репатриацию после заключения перемирия, обе стороны обратятся к Польше, Чехословакии, Швеции, Швейцарии и Индии с просьбой назначить от себя члена комиссии по репатриации из представителей нейтральных государств, которая будет создана для того, чтобы взять на свое попечение тех военнопленных, которые, находясь под контролем пленивших держав, не воспользовались своим правом на репатриацию».

Теперь это право десятков тысяч военнопленных северокорейцев, зафиксированное в только что подписанном международном соглашении, где одной из сторон является командование «войск ООН» в Корее, грубо нарушено в результате провокационных действий Ли Сын Мана.

В телеграмме пусанского корреспондента агентства Ассошиэйтед Пресс от 18 июня содержится ссылка на «высокопоставленных южнокорейских чиновников», которые заявили, что большинство «освобожденных» военнопленных будет зачислено в лисынмановскую армию. То же агентство сообщило, что военнопленные из лагерей в Ноньсане и Санмудан были под надзором лисынмановских военных полицейских отправлены в близлежащие военно-учебные центры. Военнопленные из других лагерей были направлены под охраной южнокорейской полиции в Пусан и Сеул, где им приказали явиться на призывные пункты.

Согласно сведениям агентства Рейтер, представитель лисынмановского «министерства обороны» заявил, что насильно задерживаемые военнопленные будут включены в вооруженные силы Южной Кореи. Агентство Ассошиэйтед Пресс также сообщило, что военнопленные, которые были вывезены лисынмановскими бандитами из лагеря в Санмудаи 18 июня, уже находятся в учебных центрах марионеточной лисынмановской армии в Кванчжу.

Широкие общественные круги во всем мире справедливо расценили эту провокацию как прямую попытку сорвать заключение соглашения о перемирии в Корее.

Как же могла быть осуществлена лисынмановская авантюра с «освобождением» военнопленных в районе, находящемся под полным контролем командования «войск ООН» во главе с генералом Кларком?

Ведь не было недостатка в сигналах, предупреждавших о том, что затевают Ли Сын Ман и его клика. Еще 9 июня лисынмановское «национальное собрание» открыто приняло резолюцию о «немедленном освобождении всех корейских пленных». А 14 июня английский корреспондент газеты «Обсервер» Патрик О'Доновэн писал: «Правительство Кореи имеет ряд новых возможностей совершить зло». Одна из этих возможностей состоит в том, «что оно может даже освободить тех военнопленных... которые находятся под охраной корейцев».

Итак, каким же образом мог Ли Сын Ман осуществить свою провокацию, несмотря на то, что все без исключения лагери для военнопленных в Южной Корее подчинены американскому военному контролю?

Приведем лишь четыре сообщения зарубежных информационных агентств и печати.

Первое сообщение. 18 июня агентство Юнайтед Пресс передало, что «в 13 лагерях, где находились некоммунистические северокорейцы, несли охрану около 1300 американцев и 6 тысяч южнокорейцев». Агентство добавило при этом, что, «по заявлению осведомленных лиц, Кларк сознательно пошел на риск, оставив в лагерях корейскую охрану, поскольку он знал, что Ли Сын Ман не намерен допустить, чтобы «патриотически настроенные» северокорейские пленные находились под контролем предложенной нейтральной комиссии».

Второе сообщение. Начальник лагерей для корейских и китайских военнопленных американский генерал Макгарр, как передало пекинское радио 20 июня, «не принял никаких мер даже после того, как лисынмановцы вывели из лагерей 25 тысяч северокорейских пленных. Он заявил, что и впредь будет пользоваться южнокорейской охраной в лагерях. Более того, в четверг он сказал: Если южнокорейцы хотят продолжать в том же духе, пусть продолжают».

Третье сообщение. Газета «Вашингтон пост» в редакционной статье, озаглавленной: «Кто распустил военнопленных?», писала 20 июня: «Если официальные лица в Вашингтоне действительно так сильно, как они стараются показать, обеспокоены попытками Ли Сын Мана не допустить заключения перемирия, они должны задать несколько очень строгих вопросов военным командующим в Корее, так как трудно представить, чтобы освобождение северокорейских военнопленных могло быть полнейшей неожиданностью для 8-й армии.

Действительно, есть основания подозревать, что некоторые американцы, если они и не участвовали в заговоре, по крайней мере знали об этом заранее и не сделали ничего для того, чтобы предотвратить это».

Четвертое сообщение. Комментатор агентства Ассошиэйтед Пресс заявил 18 июня: «Ли Сын Ман сделал то, что американцы грозились сделать в ходе переговоров о перемирии, заявляя, что они освободят корейских военнопленных».

Таковы факты, объясняющие, в каких условиях была подготовлена и осуществлена провокация Ли Сын Мана.

О НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Проф. Д. ПАНОВ,
директор Института научной информации Академии наук СССР

Для того, чтобы вести научную работу в какой-либо области, необходимо знать результаты, полученные в этой области не только за последнее время, но часто и за довольно большой период времени. Задача весьма сложная. Даже ознакомление с текущей журнальной литературой требует иногда столь много времени и усилий, что эта часть работы оказывается самой трудоемкой во всем процессе разработки той или иной научной проблемы. Не приходится говорить о том, что для многих работников некоторые журналы недоступны: они редки или издаются на языке, не известном научному работнику.

Объем публикуемой теперь научной литературы необычайно велик: по химии, например, в 1952 году было напечатано свыше 68 тысяч научных статей, заметок, патентов, книг, представляющих интерес для ученого-химика. Они вышли на 31 языке в 87 различных странах. Это значит, что ежедневно, не исключая и праздничных дней, появлялось 190 новых статей, книг и т. п. Понятно, ни один человек не в состоянии ознакомиться с таким колоссальным количеством материала.

Чтобы сделать этот материал доступным для ученых, давно уже принята система так называемых реферативных журналов по отдельным отраслям науки. В них помещаются рефераты научных статей, аннотации на книги, краткие описания патентов и т. д. Несмотря на краткость этих описаний, крупные реферативные журналы представляют собой издания огромного объема. Так, например, журнал «Кэмикл абстрактс» (США) за 1952 год дал 5 890 страниц текста большого формата, напечатанного чрезвычайно мелким шрифтом.

Поиски нужного материала даже в реферативном журнале требуют известного умения и навыка, хотя, разумеется, это во много раз проще, чем найти оригинальную научную статью в море различных изданий, многие из них даже не очень тесно связаны с той специальностью, по которой ищется научная статья. Дело в том, что статьи по химии, физике сплошь и рядом печатаются в журналах, посвященных медицине или биологии; статьи по математике — в технических журналах и т. п. Для того, чтобы облегчить поиски материала в реферативном журнале, используются специальные указатели: авторский, систематический (в котором материал расположен по определенным рубрикам, распределяющим его внутри данной отрасли науки), предметный, формульный. Объем этих указателей также очень велик. Для упомянутого уже журнала «Кэмикл абстрактс» этот указатель в 1952 году занял 2 900 страниц.

До последнего времени реферативных журналов на русском языке не издавалось. Это создавало известные трудности в работе советских ученых, мешало им знакомиться с мировой научной литературой. Бурный рост советской науки настоятельно требовал издания по наиболее важным отраслям науки реферативных журналов.

По инициативе президента Академии наук СССР академика А. Н. Несмеянова было принято решение о создании Института научной информации Академии наук СССР. Одной из основных задач института является подготовка и издание реферативных журналов по физическим, математическим, химическим, биологическим, геолого-географическим наукам и технике. Издание подобных журналов, освещающих все достижения науки и техники, — дело большой важности. Значение его трудно переоценить. С выходом этих реферативных журналов советские ученые, представители самых широких кругов нашей интеллигенции, получат возможность знакомиться на русском языке с мировой научной литературой, с новейшими достижениями науки и техники.

Расцвет нашей, советской науки очевиден сейчас для всех. Небезынтересно в связи с этим отметить, что в статье, опубликованной в апрельском номере за 1953 год американского журнала «Сайнс», авторы статьи Хоувртон и Дис, анализируя рост математических публикаций на различных языках мира, констатируют, что в 1950 году по сравнению с 1940 годом количество публикаций на русском языке возросло в 6,63 раза, тогда как на английском языке количество публикаций увеличилось лишь в 1,99 раза, на немецком языке — в 2 раза, на французском языке — в 2,5 раза и т. д. Значение работ советских ученых и значение русского языка, как научного языка, непрерывно растет. В этой же статье авторы отмечают, что «русский язык приобретает все большее значение в области математики». Завершают свою статью Хоувртон и Дис таким замечанием: «Русские ученые делают огромные шаги, независимо от того, нравится нам это или нет. А так как наше существование зависит от правильной оценки положения, то американским ученым пора делать свои заключения о качестве работы русских не на основании редакционных статей американских газет, а на основании других источников». Авторы, очевидно, имеют в виду работы советских ученых.

Наш Институт научной информации будет издавать в 1953 году реферативные журналы по математике, механике, астрономии, физике и химии. В 1954 году предполагается добавить к этому реферативные журналы по биологическим, геолого-географическим наукам и технике.

Чтобы обеспечить возможно более полное освещение периодической научной литературы, Институт научной информации выписал все научные и большое количество технических журналов, издаваемых во всех странах мира. Институт, конечно, располагает и всей научной и технической литературой, выходящей в нашей стране. Уже сейчас полным ходом идет реферирование научной литературы, изданной в этом году. В октябре должны выйти первые номера реферативных журналов. Институт стремится к тому, чтобы реферат вышел в свет не позже как через полгода после опубликования реферируемой научной статьи или книги. Мы надеемся, что уже в 1954 году будем выдерживать этот срок.

Советские реферативные журналы будут возможно шире освещать научную литературу, выходящую на языках народов стран народной демократии.

Кроме подготовки и издания реферативных журналов, наш институт будет обеспечивать научные учреждения Советского Союза копиями научных статей и переводами их с редких языков. В плане работ института имеется также составление библиографических обзоров по отдельным разделам науки. Предстоит и серьезный труд по улучшению научной информации, механизации работы в этой области.

Следует отметить, что хорошая постановка научной информации требует больших материальных средств. Издание реферативных журналов за рубежом во многих случаях является убыточным. Вот почему большинство реферативных журналов, выходящих за границей, пользуется субсидиями частных организаций. Это создает постоянную угрозу самому их существованию. Так, например, один из крупнейших и старейших реферативных журналов «Бритиш абстрактс» все время находится под угрозой закрытия из-за того, что он не может возместить свои расходы без внешней помощи. В майском номере журнала «Кэмикл продактс» за этот год помещена заметка об организации Института научной информации в СССР, в которой с горечью констатируется: «В связи с тем, что будущность «Бритиш абстрактс» до сих пор остается неясной, интересно отметить создание в СССР нового института — Русского института научной информации».

Можно быть уверенными, что при том внимании и заботе, которые оказывают Коммунистическая партия и Советское правительство развитию науки, дело научной информации у нас в стране в ближайшее время достигнет высокого уровня.

Советские реферативные журналы должны быть по своему уровню лучшими в мире. Этого можно достичь лишь при участии в наших журналах крупных ученых, в совершенстве знающих отрасли науки, в которых они работают. Институт стремится привлечь к участию в журналах в качестве референтов и редакторов широкий круг научных работников. Мы уверены, что советские ученые будут считать делом чести сотрудничество в реферативных журналах. Каждый ученый, подготовивший для журнала квалифицированный реферат по своей специальности, помогает сотням и тысячам своих коллег, в особенности молодым научным работникам и специалистам промышленности получить точные сведения о новых завоеваниях науки, помогает нашим ученым в решении великой задачи—занять первое место в мировой науке.

АНТОЛОГИЯ РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ НА БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

МИНСК. (Наш корр.). Белорусское государственное издательство выпустило в свет антологию русской советской поэзии на белорусском языке.

Антология открывается произведениями великого русского писателя, основоположника советской литературы М. Горького — «Песней о Буревестнике» и «Песней о Соколе». Напечатаны переведенные на белорусский язык стихи В. Маяковского, М. Исаковского, А. Суркова, А. Твардовского, Н. Тихонова и других советских поэтов, всего 90 авторов.

НАЙДЕНА МОГИЛА А. П. ГАННИБАЛА

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В Гатчинском районе Ленинградской области находится бывшая усадьба предков А. С. Пушкина — селение Суйда. Ныне здесь размещается Ленинградская государственная селекционная станция.

Недавно местные жители разыскали могилу предка поэта — А. П. Ганнибала, точное местонахождение которой долгое время было неизвестным. Состоялось торжественное открытие памятного надгробия с надписью: «Здесь похоронен прадед А. С. Пушкина — Абрам Петрович Ганнибал, выдающийся русский математик, фортификатор и гидротехник, 1697—1781».

На открытии надгробия присутствовали сотрудники Института русской литературы, представители Ленинградского областного отдела культурно-просветительной работы, колхозники, работники селекционной станции.

В одном из помещений государственной селекционной станции открыт историко-краеведческий уголок. На старом доме бывшей усадьбы Ганнибалов установлены памятные доски.

Вместе с советской молодежью в Свердловском горном институте имени Вахрушева учатся юноши и девушки стран народной демократии. НА СНИМКЕ: студенты 5-го курса кафедры маркшейдерского дела З. Казанцева и кореец Цой Сен Ен на преддипломной практике в окрестностях города Свердловска.

Фото А. ГРАХОВА

Читатель продолжает разговор

Для тех, кто в море

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ, пароход «Рязань». (По радио). Экипаж нашего парохода ознакомился с опубликованной в «Литературной газете» от 19 мая статьей «В море— пароход «Мста». В статье своевременно и правильно вскрыты недостатки в планировании работы судов и учете выполнения грузоперевозок. Хочется надеяться, что выступление газеты поможет преодолеть эти недостатки.

Экипаж «Рязани» просит редакцию поставить на страницах газеты и другой вопрос — о культурном обслуживании моряков. Все суда имеют киноустановки, но нас снабжают устаревшими, давно уже просмотренными фильмами. А ведь каждая новая картина для моряков — настоящий праздник. В Архангельске, Риге, Мурманске, когда мы просим дать картину получше, нам отвечают: «Она у нас в плане для себя».

Плохо также у нас пополняются судовые библиотеки. Новой художественной литературы совершенно не получаем, не всегда во-время приходят к нам газеты и журналы.

БЕЛИКОВ,
капитан парохода «Рязань»
АНТОШКОВ,
первый помощник капитана

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ОПЯТЬ НОВЫЙ ЗАВЕДУЮЩИЙ»

Под таким заголовком в «Литературной газете» 28 мая была опубликована корреспонденция о недостатках в подборе и подготовке кадров для культурно-просветительных учреждений Ростовской области.

Директор Ростовского областного библиотечного техникума тов. А. Коломыцев сообщил редакции, что педагогический коллектив обсудил статью и признал правильной критику серьезных недостатков в работе техникума.

Решено в новом учебном году укрепить преподавательский состав, организовать изучение и обобщение передового опыта библиотек области; намечены конкретные меры по повышению уровня учебно-воспитательной работы в техникуме.

ФЕЛЬЕТОН

„Кекембр"

— Ты что-то, жена, борща давно не варила. Июнь на исходе. Давно, небось, свежие овощи поспели,— сказал Афанасий Григорьевич, уходя на работу.

Горпина Сидоровна взяла кошёлку и отправилась в магазин.

Хозяйка шла по улице и не подозревала, что навстречу ей из Каменско-Днепровского района мчалась машина с зеленым луком.

Согласно законам математики, они должны были встретиться в определенной точке. Не производя сложных вычислений, скажем, в точке торговой. Именно здесь, т. е. в данном случае в одном из магазинов горпищеторга, должны были встретиться интересы колхозников, растивших овощи, и жены старого запорожского рабочего, решившей накормить мужа борщом.

Итак, встреча предстояла. Она намечалась всей логикой событий.

Но случилось иначе. Горпина Сидоровна в магазин вошла, а машина с зеленью, не разгрузившись, повернула обратно в Каменку. За 120 километров. Почему?

Но сначала о Горпине Сидоровне.

Вошла она в магазин № 93 первого Запорожского горпищеторга.

— У вас есть свекла, лук или какие другие овощи? — спросила она продавца.

Тот молча показал на прилавок.

— Так что ж это за лук! — воскликнула хозяйка.—То ж одни стрелы. Я из лука стрелять не собираюсь.

— Нужно смотреть, гражданка. Для чего вас грамоте учат? Не видите, написано: первый сорт, — ответил продавец и отвернулся.

Высказав продавцу свое невысокое мнение о его воспитателях, Горпина Сидоровна двинулась дальше. Она объехала десяток магазинов первого горпищеторга — №№ 132, 26, 48, 15, 11, 1, 4, 14, 23. Везде ей предлагали лук во всех его разновидностях: лук со стрелой, с цветком, с жухлыми перьями, всякий лук, кроме свежего.

Впрочем, в одном магазине для разнообразия ей предложили желтый салат и трухлявую редиску.

— Позовите заведующего! — попросила Горпина Сидоровна. Однако выяснилось, что он уехал на базу.

— Это очень хорошо! — воскликнула хозяйка. Будучи женщиной тихой, но упорной, она решила тоже пойти на базу и выяснить, почему в магазинах нет овощей.

Возле самой базы ее едва не сбила с ног машина, та самая, которая в начале нашего рассказа ехала навстречу Горпине Сидоровне. Резко затормозив, машина остановилась. Из кузова на мостовую посыпался чудесный свежий зеленый лук.

— Вот это лук,— не удержалась она.— Какой ровненький да молоденький. Куда ж вы его везете?

Человек, сидевший рядом с шофером, с досадой махнул рукой.

— На свалку!

— Что вы говорите! В магазинах свежего лука не найдешь, а вы такое преступление хотите совершить?

— Потому и хотим, что не можем ждать, пока в первом горпищеторге весь лук перепортится. Тогда, может быть, на базу начнут принимать и свежий. Затоварились луком, не сумели продать, вот и не принимают.

— Как же так?

— А вот так! Вчера машину совхоза имени Сталина завернули неразгруженной. И сегодня то же выдумали: товар не кондиционный. Я сам час назад сдал ОРСу «Запорожстали» полтонны первым сортом. Возьмите, говорю, у нас хоть вторым... Ну, хотя бы третьим... Не везти же его обратно. Они и слушать не хотят. Даже табличку на двери повесили: «Закрыто на переучет».

— Может, они на вас за что обиделись? — высказала свое предположение хозяйка.

Ее собеседник даже из кабины выскочил:

— Обиделись? А на совхоз имени Ворошилова они тоже обиделись? Весной кричали: дайте нам 53 с половиной тонны свежих овощей! А сколько взяли, спрашиваю я вас? Две и три десятых тонны взяли на сегодняшний день! Лишней заботы боятся. Конечно, овощи — не консервы. Быстро портятся. Ими торговать нужно умеючи. Пойти на окраины. На вокзалы. На пристань. В столовые дать побольше. А то, что получается?! Ни в одной закусочной не найдешь салата из огурцов или тюльки с луком. Угощают рыбой. Вот вы, гражданочка, тоже, я вижу, луком интересуетесь. Пожалуйста, возьмите сколько вам нужно.

— Спасибо за доброту. Только я не возьму. Вдруг Афанасий Григорьевич и в другой раз борща захочет. Где же я вас искать тогда буду? Не ехать же в Каменку! Я лучше пойду на базу, попрошу, чтобы овощи в магазинах продавали.

— Это дело хорошее. Но думаю, база вам не поможет. Здесь нужно до самого большого начальника итти...

Горпина Сидоровна пошла в облисполком. Там ее встретили вежливо. Она очень удивилась, когда заместитель председателя облисполкома тов. Шестопалова твердо сказала:

— Вы правы. Нам известны эти возмутительные факты.

— Так что же вы сделали, позвольте поинтересоваться?

— Сделано много! Очень много! — бодро ответила тов. Шестопалова и позвонила...

Секретарь принес решения исполкома по торговле за май месяц. Она зачитала любознательной Горпине Сидоровне некоторые выдержки из решений. Горпина Сидоровна записала их, чтобы рассказать потом все Афанасию Григорьевичу.

Вот ее записи:

6 мая. «Слабо осуществляется контроль за ходом заготовок и завоза ранних овощей... в результате чего план на 1 мая выполнен на 19%.

...Обязать т. Боброва в пятидневный срок обеспечить прикрепление колхозов пригородных зон к магазинам...»

9 мая. «Исполком отмечает, что Облторготдел (т. Бобров) и Облпотребсоюз (т. Сокрута)... крайне неудовлетворительно готовятся к сезону заготовки и переработки овощей и фруктов».

23 мая. «В целях своевременной и полной реализации картофеля, овощей, фруктов обязать Облторготдел (т. Бобров)... установить месячный и декадный графики сдачи-завоза плодоовощных продуктов».

27 мая. «...Облторготдел (т. Бобров) и исполком Запорожского горсовета не принимают мер к улучшению снабжения населения г. Запорожья ранними овощами».

27 мая было вынесено еще одно решение, в котором тов. Боброва обязали в двухдневный срок «довести до каждой торговой организации задания по завозу для торговли и общественного питания ранних косточковых плодов».

— Решений много,— сказала Горпина Сидоровна,— а вот овощи бы еще иметь! Сегодня восемнадцатое июня, а в магазинах, кроме старого лука, никаких овощей.

И Горпина Сидоровна решила лично поговорить с тов. Бобровым, поскольку ей показалось, что именно из-за него она не встретилась с машиной в торговой точке.

А тов. Шестопалова тем временем энергично и решительно принялась составлять график фактической потребности городов Запорожской области в овощах и фруктах...

Но к Александру Гавриловичу Боброву Горпину Сидоровну не пустили.

— Он занимается,— сказал секретарь.

«Подожду, пока освободится, все равно день пропал»,— про себя решила Горпина Сидоровна, а вслух спросила:

— Здесь можно посидеть?

— Сидите, гражданочка, сколько вам угодно. Он сегодня долго будет заниматься. Из-за торговли он все учение запустил.

— А какое же учение, позвольте вас спросить?

— Что же, вы разве не знаете? Овладевает теорией. В кандидаты наук готовится.

— Кекембр...— донесся из-за двери раскатистый баритон.— Ке-кембр!..

— Что же с ним делается? Может, он на помощь зовет? — встревожилась Горпина Сидоровна и даже встала со стула

Секретарь с сожалением посмотрел на женщину и объяснил:

— Он английский язык изучает. Кекембр — это по-английски огурец. Понимаете?

— Не совсем,— вздохнула Горпина Сидоровна,— моя внучка тоже изучает английский, так у нее огурец — кьюкамбр. А когда же и в магазинах будет «кекембр», позвольте вас спросить. Может, Александр Гаврилович вам говорил об этом?

Но оказалось, что ничего не говорил, и Горпина Сидоровна решила итти домой варить галушки, в ожидании того времени, когда от Александра Гавриловича последует вразумительный ответ.

«Конечно, он человек ученый, этот Александр Гаврилович,— думала она по пути.— Найдет, что ответить! Только что же я скажу Афанасию Григорьевичу, почему я борща не сварила. Урожай в Запорожье хороший, а в магазинах овощей нет».

В. ШАПОШНИКОВА

г. ЗАПОРОЖЬЕ

РАССКАЗ

Большой костер

Случилось это несколько месяцев назад. Зима на Кавказе выдалась поздняя. Снег выпал в горах только в начале января. Он выбелил леса, рощи, овраги, поросшие кустарником, тщательно замел все горные тропочки. В солнечные дни он слепил глаза, а в лунные ночи сиял холодным голубоватым светом далеких звезд...

В одну из лунных ночей лесника разбудило непонятное гуденье. Казалось, над самым ухом кружил шмель.

Жил лесник далеко от людей, в глухой стороне, куда редко доносился шум неуемной человеческой жизни. Поэтому гуденье казалось особенным. Но оно вскоре прекратилось, а лесник так и не сомкнул глаз. Во-первых, сказывались годы: в шестьдесят пять лет не так просто уснуть, если тебя вдруг разбудили. А во-вторых, явились разные мысли. Вспомнилось прошлое, молодость... Да, многое бывало... А теперь — что же? живи себе в медвежьем углу, стереги чужой лес.

За дощатой перегородкой, отделяющей одну комнату от другой, спала дочь лесника — Нина. Она училась в институте и приехала на каникулы в горы по настоянию своего отца. Ее тоже разбудило гуденье, и она подумала: «Самолет».

Воспитывалась Нина в городе у родственников своей покойной матери. Отец давно не вспоминал о ней, казалось, вовсе позабыл ее, и спохватился перед самым окончанием института. Никаких особых чувств не испытывала Нина к леснику, который назывался ее отцом, и приехала сюда лишь по долгу. Завтра или послезавтра она собиралась снова в город. Ей уже известно было место будущей работы. А выбрала Нина глухой, отдаленный район. И на вопрос директора института: «Вы хорошо обдумали свой выбор?» — ответила:

— Можете не беспокоиться — хорошо!

Директор института был вынужден заметить:

— Характер у вас колючий, но девушка вы деловая...

«Верно, характер у Нины горячий,— думал лесник,— надо быть с ней поласковей, может быть, поддержит на старости лет...»

И снова мысли его перенеслись в далекое прошлое. Так, в невеселых размышлениях, прошел целый час.

Вдруг в сенях яростно залаяла собака. Кадыр выглянул в окно: за плетнем маячили две черные тени. Это были люди... Люди в такое время и в такой глухомани?

Кадыр оделся, снял с гвоздя охотничье ружье. Выйдя в сени, он крикнул:

— Эй, кто там?

— Мы, охотники.

— Какие охотники?

— Обыкновенные — голодные и холодные.

Нина уже стояла за спиною отца. Она видела, как двое перелезли через плетень и направились к дому.

— Не тут ли проживает Кадыр Ноу? — спросил один из гостей, поднимаясь на скрипучие ступени и на ходу стряхивая снег.

— Да, тут,—недоуменно ответил Кадыр.— Пожалуйте.

Нина подняла фитиль керосиновой лампы. Гости освободились от тяжелых рюкзаков, ружья, покрытые кожаными чехлами, поставили в углу комнаты.

— Прошу к огню,—пригласил их Кадыр, раздувая огонь в железной печке.

Один из гостей был худой и высокий, лет пятидесяти—пятидесяти пяти, повидимому, местный житель, а другой — плотный, коренастый, лет тридцати, должно быть, приезжий.

— Зовут меня Михаил Сарба,—сказал худой и высокий,—а это мой молодой друг: Сергей Иванович Турчин. Из Москвы.

Турчин разделся, бросил на скамейку тяжелый кожух. На Сарбе был овчинный тулуп, а под ним шерстяная кавказская рубашка. Он тщательно отряхнул свою каракулевую папаху.

— Чорт возьми!—сказал Сарба всердцах, ища место, куда бы положить тулуп,— бывает же так: ни одного выстрела за день! К тому же, как на грех, заблудились.

Нина с любопытством присматривалась к Сарбе. Никогда она не видела охотника с таким белым, выхоленным лицом и тонкими, должно быть, не знавшими грубой работы руками...

Сарба и Турчин уселись у печки. Кадыр, глядя на Сарбу, спрашивал себя: «Кого он напоминает?.. Очень знакомые черты лица...»

— Охотились, значит?—спросил лесник Сарбу, чтобы завязать беседу.

— Да, охотились.

Кадыр почесал кончик носа, чтобы не рассмеяться. Какая же охота в горах в такое время, когда из снега трудно выбраться? И он сказал:

— Нет, кроме шуток, что это вам вздумалось охотиться, да еще здесь, где мало дичи?

Сарба вопросительно взглянул на Турчина, потом посмотрел через плечо на Нину, перебиравшую тарелки. Лесник смекнул, что Сарба не хочет говорить при девушке. Однако Нине очень хотелось послушать, что ответит Сарба. «Странные охотники»,— решила она.

Сарба перевел разговор на погоду. Нина унесла тарелки в кухню. И Сарба торопливо спросил:

— Хочешь настоящую правду, Кадыр?

Кадыр рассмеялся:

— А кто же ее не хочет?

Сарба подумал, словно взвешивая каждое слово, вопросительно взглянул на Турчина.

— Не будем играть в прятки,— отрезал Турчин.

— Мы — оттуда! — решительно сказал Сарба и указал пальцем на потолок.

Ноу невольно взглянул наверх, и только теперь пришла ему в голову потрясающая мысль.

— Этот гул?.. Самолет?—пробормотал он.

— Верно, Кадыр, самолет.

Ноу мгновенно вспотел; он никак не мог понять: шутят с ним или же говорят правду?

— Вот что, Кадыр,—решительно начал Сарба,—мы не скроем от тебя: мы — оттуда, из-за моря. Я сын Тараса Чачбы — Сатбей Чачба. Помнишь князя Тараса? Он выехал за границу в 1921 году вместе с меньшевиками. (Лесник утвердительно кивнул). А это мой друг Сергей Иванович Турчин. Он с Северного Кавказа, можно сказать, сосед наш. Отец его когда-то владел мукомольным заводом. Как видишь, Кадыр, мы ничего от тебя не таим.

Лесник тяжело вздохнул, ему стало душно. «Верить ли?—подумал он.—Нет ли тут какой ловушки?»

— Мы поживем у тебя немного, а потом уйдем,—продолжал Сарба.—Что ты скажешь?

— Не могу,—произнес лесник.

— Что — не могу?

— Принять не могу.

— А ну, покажи-ка ему,—обратился Сарба к Турчину,—он, как видно, не доверяет нам. Или, может быть, показать кому-нибудь в другом месте?

Турчин достал из кармана бумагу и протянул ее леснику. Это была четкая фотокопия расписки. Лесник глянул на нее и обомлел. Нижняя губа у него отвисла, глаза выпучились...

— Боже мой,—проговорил он, испуганно озираясь вокруг.

Сарба сказал:

— Надеюсь, Кадыр, ты помнишь инженера Дональда Смита?

Старик, словно очнувшись от дремоты, быстро смял бумагу и бросил ее в печь. Теперь уже ему было все ясно. Он выпрямился на стуле и твердо сказал:

— Помню!

Да, Кадыр Ноу хорошо помнил Дональда Смита. Это было в 1916 году. Принц Ольденбургский, проживавший в Гаграх, продал промышленной компании, в которой работал Смит, участок с поэтическим наименованием «Серебряная гора». Принц познакомил Смита с Кадыром Ноу. Ноу помогал иностранцам искать на Серебряной горе свинец и нефть. Помощь его заключалась в том, что он сопровождал экспедицию в горы и служил посредником в разговорах с местными крестьянами. Когда установилась советская власть, Смит и его люди убрались во-свояси. Перед отъездом Смит якобы в благодарность оставил Кадыру крупную сумму денег и взял с него маленькую расписку в получении денег, копию которой только что предъявил Турчин... Расписка, как видно, пригодилась этим нежданным гостям через три с лишним десятка лет!..

— Объясните мне...—сказал лесник, все еще не веря ни своим ушам, ни глазам своим.—Скажите мне, каким образом эта моя расписка очутилась у вас? Жив ли господин Дональд или умер?

— Умер давным-давно,—ответил Турчин.

— А расписка? Откуда эта бумажка?

— Секрет,— таинственно прошептал Сарба,— а впрочем, ничего секретного: Дональд завещал ее нам.

— И самолет завещал? — с усмешкой спросил Ноу, давая понять, что он не такой уж простачок.

— Да нет, зачем же самолет! — проворчал Сарба.— Самолет от большого дяди. От дяди с большим карманом и с большой силой.

— Так у вас есть и дядя?— пошутил Ноу.

— Да какой еще! Из-за океана! — И чтобы окончательно сразить старика, Сарба всучил ему деньги и сказал:— Тебе... Для начала...

— Что это? — Ноу, казалось, испугался. — Деньги?

«Наверное, не меньше пяти тысяч»,— прикинул в уме лесник, пряча в карман сторублевки. Он весь преобразился, словно помолодел; встал, прошелся по комнате, расправил бороду.

Вошла Нина. Девушка порылась в углу, достала салфетки, скатерть и начала накрывать на стол, стоявший между печкой и окном. Когда Нина вышла, Сарба спросил Кадыра:

— Кто бывает у тебя дома?

— Почти никто.

— А деревня близко?

— Внизу, в долине.

— А дочь? Разве она живет у тебя?

Лесник понял, что гости были осведомлены о его житье-бытье. Но каким образом?..

— Она приехала отдохнуть...—объяснил Кадыр.—Уедет дня через два.

— Надеюсь, она не собирается выходить из дому?—спросил Турчин.

Вместо Кадыра ответил Сарба.

— Не думаю,— сказал он.— А на всякий случай надо следить за нею... Так надо,— пояснил Сарба Кадыру.

Кадыр понимающе кивнул ему.

Снова появилась Нина с тарелками и горячей мамалыгой в руках. Она расслышала слова Сарбы «надо следить за нею». Ей стоило большого труда спокойно смотреть на этих гостей...

— Спасибо! Мы сыты,— сказал Турчин.

Но Сарба поспешно перебил его:

— Ну и скромник. Разве охотники после долгого блуждания бывают сыты?

— Я вас угощу прекрасной медвежатиной,— сказал лесник.— Пойдем, Нина, я помогу тебе нарезать мясо.

В кухне пылал яркий огонь. Высоко над очагом висел полупустой котел с мамалыгой. На вертеле красовался яркокрасный кусок медвежатины.

— Папа,— обратилась Нина к отцу,— что это за гости? Ты их знаешь?

Кадыр рассердился:

— Чего ты язык распустила? Гости есть гости!

Кадыр вышел из кухни, унося тарелки с мясом и соленой капустой, но вернулся и крикнул с порога:

— Гости, понимаешь? Не наше дело расспрашивать. Или ты забыла обычай гостеприимства?

Нина пришла к выводу, что дело неладно. Теперь уже не оставалось никаких сомнений: гости были диверсанты, те самые диверсанты, о которых не раз читала Нина, но которых никогда в глаза не видывала. И вот привелось!.. Что же теперь делать?..

Нина понесла гостям кислую подливку, немного соленых огурцов, луку. Поставив все на стол, она отошла к двери, спрашивая себя: «Что же делать?»

Она внимательно присматривалась к гостям. От нее не ускользнуло их поведение за столом. Сарба, например, за неимением вилок, пользовался двумя ножами, почти не прикасался к перцу и кислой подливке. Так не поступают местные люди!.. А Турчин нехотя, без аппетита жевал маленькие куски медвежатины. Разве так едят голодные и усталые охотники?.. «Их нельзя упускать,— сказала про себя Нина. — Но что же делать?»

Если бы у Нины было настоящее ружье, она бы знала, что делать. Но где взять ружье? Может быть, испробовать охотничье, принадлежащее отцу? Для этого ружье надо снять с гвоздя, и к тому же ей никогда не приходилось держать в руках охотничье... Что же делать?.. Бежать в село? Но этот Турчин с нее глаз не сводит...

Ясно только одно: надо принять все меры и любым способом подать знаки людям из селения. Это надо сделать немедленно, сейчас же!..

Между Ниной и мужчинами стояла железная печь, верхняя плита которой местами раскалилась. Нина над чем-то мучительно думала, глядя на печь, на раскаленный чугун... И, наконец, решила...

Она быстро прошла в соседнюю комнату, тихонько отворила окно, выходящее в сторону глубокого оврага. А потом набрала во дворе охапку сырых дров.

Как только дрова попали в печку, они тотчас же зашипели так громко, что казалось, воду вылили на горячую плиту...

— Ну и дрова,— сказал отец.— Не могла ты выбрать посуше?

— А я сейчас...— ответила Нина скороговоркой.— Я сейчас подолью керосину...

Она стремительно выбежала из комнаты и вскоре вернулась с огромной стеклянной бутылью в руках. В эту бутыль входило два десятка литров керосина, который лесник всегда держал про запас.

Девушка волновалась. Она старалась не глядеть на мужчин. Брови у нее хмуро сходились над переносицей. «Характером в покойную мать, — подумал Кадыр. — Такая же упрямая... Должно быть, сердится на меня».

Нина подняла с полу щепочку и отодвинула в сторону конфорку. Затем вылила в отверстие немного керосину из бутыли. Пламя моментально заиграло над плитой.

«Ночью на костер в горах всегда обращают внимание. На большой костер придут люди... Они непременно придут!..» — говорила про себя Нина.

Она решительно отошла назад, к двери, высоко приподняла бутыль и с силой бросила ее на печку. Стекло разлетелось вдребезги... Вспыхнуло огромное пламя.

В один миг девушка очутилась за дверью. Она выпрыгнула в окно и, сделав по снегу несколько шагов, скатилась в овраг...

Дом запылал, словно огромный факел, точно большой костер.

«На огонь должны притти люди»,— думала Нина, пытаясь удержаться на небольшом выступе, но ударилась головой обо что-то твердое и провалилась в снег.

Неизвестно, сколько времени пролежала Нина в овраге. Очнулась она от ощущения нестерпимого холода. Когда девушка приоткрыла глаза, то увидела серое небо и яркие звезды. Она услышала беспокойные людские голоса...

— Сюда! — кричала Нина, собрав все силы.— Ко мне!

Но не о помощи были ее крики. Ей хотелось поскорее рассказать о тех, которые были в доме и которые, может быть, сейчас торопятся уйти подальше в горы. Ей хотелось просить людей, пришедших сюда на тревожный огонь, чтобы они, не жалея ни себя, ни времени, искали трех преступников, задумавших черное дело...

А дом все еще продолжал гореть. Яркие искры поднимались высоко кверху, искры большого костра.

...Следующий день Нина Ноу провела на больничной койке.

Когда вечером в больницу пришли ее навестить колхозники, она первым делом спросила:

— Где они?

Ей ответили:

— Не беспокойтесь, не ушли!

Нина ни единым словом не обмолвилась об отце: о нем не хотелось ни говорить, ни думать, ни слышать.

Георгий ГУЛИА

М. СВЕТЛОВ

СУЛИКО

Я веду тебя, Сулико,
В удивительные края.
Это, кажется, далеко —
Там, где юность жила моя.

Это было очень давно...
Украина... Сиянье дня...
Гуляй-Полем летит Махно
И прицеливается в меня.

Я был глупым птенцом тогда,
Я впервые узнал, поверь,
Что «наган» тяжелей куда,
Чем игрушечный револьвер.

А спустя два десятка лет —
Это рядышком, погляди! —
Я эсэсовский пистолет
Отшвырнул от твоей груди...

Дай мне руку! С тобой вдвоем
Вспомним зарево дальних дней.
Осторожнее! Мы идем
По дорогам моих друзей.

А ты знаешь, что значит — терять
Друга близкого? Это — знай:
«Здравствуй!» тысячу раз сказать,
И внезапно сказать — «Прощай!»

В жизни многое я узнал,
Твердо верую, убежден —
Проектируется канал
Юность — Старость, как Волго-Дон...

Будь послушною, Сулико,
Мы поедем с тобой в края,
Где, действительно, недалеко
Обитает старость моя.

И становится мне видней,
Как, схватившись за посошок,
По ступенькам грядущих дней
Ходит бритенький старичок.

Это — я! Понимаешь — я!
Тот, кто так тобою любим,
Тот, кого считали друзья
Нескончаемо молодым.

В жажде подвигов и атак
Робко под ноги не смотреть —
Ты пойми меня — только так,
Только так я хочу стареть!

Жил я, страшного не боясь,
Драгоценностей не храня,
И с любовью в последний час
Вся земля обнимет меня.

Сулико! Ты — моя любовь!
Ты всю юность со мной была,
И мне кажется, будто вновь
Ты из песни ко мне пришла.

Вечер в Центральном доме литераторов

Михаил Светлов давно вошел «в квартиру таланта» и живет в ней по праву, сказала Вера Инбер, открывая вчера в Центральном доме литераторов вечер, устроенный в связи с пятидесятилетием поэта.

— Его творчество отмечено преданностью высоким целям служения народу, бережной, внимательной любовью к человеку, романтической взволнованностью, добродушной иронией, — характеризовала М. Светлова во вступительном слове Е. Златова.— Его образ неразрывно связан с образом его лирического героя. В поэзии Светлова отражена комсомольская молодость нашей страны.

Поэты М. Алигер, А. Безыменский, С. Васильев, А. Жаров, С. Кирсанов, В. Луговской, М. Матусовский, В. Саянов, С. Смирнов, М. Соболь, А. Сурков и С. Щипачев приветствовали юбиляра, читали посвященные ему стихи, поздравляли от поэтов старшего и младшего поколений, от правления Союза советских писателей СССР, от секций поэтов, от редакций, издательств, журналов.

В ответном слове М. Светлов сердечно благодарил собравшихся за оказанное ему внимание, говорил о том, что «в последние годы писал непростительно мало».

Вечер закончился театрализованным приветствием Центрального детского театра.

ЖИВЫЕ СТРАНИЦЫ

Листки бумаги, пожелтевшие от времени, чернила кое-где выцвели... Вглядываемся внимательно и видим строки знакомого стихотворения А. Пушкина «Веселый пир».

Перед нами один из экспонатов выставки, которую недавно Государственный литературный архив СССР показал московским писателям. Из стен хранилища были привезены в Центральный дом литераторов драгоценные автографы, письма и рукописи, черновики, мемуары писателей, художников и артистов, начиная с записи М. Ломоносова и кончая рукописями современных авторов.

«Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы... Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначащие слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером написала и великие творения, предмет наших изучений и восторгов»,— писал свыше ста лет назад А. Пушкин. И, глядя на строки стихотворения П. Вяземского, с редакторской правкой А. Пушкина, на черновой набросок стихотворения М. Лермонтова «Смерть поэта», вы невольно испытываете именно эти чувства...

Мы видели и письмо Н. Гоголя к В. Белинскому. Оно было на выставке — пожелтевшее, с выцветшими буквами, разорванное и тщательно склеенное из сорока восьми мелких кусочков.

А вот рукопись Н. Чернышевского «Мастерица варить кашу», и тут же музыка к ней, написанная советским композитором В. Шебалиным. Датированное 1847 годом письмо И. Тургенева к В. Белинскому, рукописи писателей XIX—XX веков, дневник А. Чехова (1896—1903) с записями его о встречах с Л. Толстым.

Много интересного было и в той части выставки, которая посвящалась советским писателям. Большой портрет Максима Горького с надписью «От калики перехожего Горького богатырю русской живописи Васнецову на память». Другой экспонат: «Облако в штанах» В. Маяковского с дарственной надписью М. Горькому. Первый набросок романа А. Серафимовича «Железный поток», первые издания книги Д. Фурманова «Чапаев», и прямо по печатному тексту авторская правка. Прикованный к постели, уже слепой, Николай Островский начал работу над романом «Как закалялась сталь». Мы видим его первую страницу, написанную автором с помощью транспаранта.

Работники литературного архива В. Попов, Л. Зурабьян, М. Козлова, профессор Н. Алексеев рассказали писателям о документальных богатствах и новых поступлениях литературного архива. Естественно, что на выставке была показана лишь маленькая толика того, что хранится в этом музее истории литературы. А хранятся здесь архивы свыше ста советских писателей — примерно миллион различных рукописей, записок, документов и писем, не считая огромных архивов писателей старой России. В фондах собраны, например, почти все «Окна РОСТ'а», рукописи и записные книжки В. Маяковского, рукописи и переписка А. Серафимовича, более полутора тысяч стихотворений В. Лебедева-Кумача и многое, многое другое. Сотрудники архива задумали собрать теперь тексты лучших советских песен. М. Исаковский, заканчивая свой рабочий год, как правило, сдает Литературному архиву весь «отработанный» материал. Поступившая сюда рукопись тщательно изучается, а если плоха бумага, выцвели чернила или ослабла краска, то и восстанавливается.

Историки, писатели, литературоведы нередко обращаются к материалам Литературного архива и в своей личной работе и при подготовке к изданию собраний сочинений русских классиков.

И. БАЗАРОВА

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРЕМИЙ МИРА

ПОДВИГ ПОЭТА

Всемирный Совет Мира присудил Почетную Премию мира поэту и национальному герою Болгарии Николе Вапцарову, павшему в борьбе с нацизмом.

Это решение встретило горячее одобрение простых людей всего мира. Стихи поэта-патриота, переведенные на многие языки, горячо любимы читателями разных стран.

Мы публикуем сегодня воспоминания болгарского писателя, лауреата Димитровской премии Младена Исаева, который в 1942 году вместе с Вапцаровым был арестован за участие в антифашистской борьбе.

Он вошел в нашу среду, среду писателей-антифашистов, художников, артистов и музыкантов, как старый друг и товарищ. Никто из нас еще не знал тогда, что он пишет стихи, никто из нас не мог подозревать тогда, что за удивительно скромной внешностью этого человека кроется большой талант. Только в разговорах с ним, из его беглых высказываний, мы улавливали, что у него безошибочно верное чутье к настоящим художественным произведениям, к их идейной силе, к неотразимому воздействию на человеческую душу.

Потом Вапцаров поступил работать паровозным кочегаром, днями и ночами ездил по стране и редко появлялся в нашей среде. Из длительной поездки он возвращался очень истощенным. От простаивания длинными ночами перед огнедышащей пастью паровозной топки лицо его побледнело и удлинилось, глаза помутнели от бессонницы. Но он никогда не жаловался. Несмотря на то, что тяжелая работа на паровозе высасывала его силы, он любил машину — и технику вообще — сильной человеческой страстью. В этой его любви к машине было что-то романтическое.

Для систематического самообразования у него оставалось очень мало времени. Но читал он с горячим увлечением настоящего поэта, подолгу глубоко размышляя о прочитанном. Его любимым чтением была художественная литература. Он читал в оригинале русских писателей — Горького, Толстого, Маяковского, учился у них.

В своих отношениях с людьми он был чутким и теплым. Было что-то подкупающее в мягком тембре его голоса, в бархатной мягкости его взгляда, в его широкой человечной улыбке. Не уступавший в главном, он всегда шел на компромиссы в мелочах, никогда не участвовал в мелких спорах. Но когда нужно было отстаивать свои идеи, когда нужно было защищать принципы свободы и будущего человеческого счастья от нападок врагов, он вдруг преображался. Голос его становился суровым, глаза метали молнии, густые черные брови изгибались, как распростертые крылья орла, ринувшегося в бой. Тогда слова сыпались из его уст, как пули из пулемета, наскакивали одно на другое, и он как-то красиво заикался. Таким я его и помню: твердым, бескомпромиссным, непримиримым в спорах с открытыми врагами, врагами его идей. К ошибающимся, но честным и добрым людям Вапцаров был крайне внимателен, терпеливо объяснял им, помогал им крепко встать на ноги. Ему были чужды сектантская ограниченность, мелочная придирчивость и интеллигентское высокомерие.

Когда гитлеровцы напали на Советский Союз, Вапцаров со всем жаром своего революционного и романтического темперамента бросился в борьбу против гитлеровских полчищ в Болгарии и их прихвостней.

Уйдя с работы на софийской утилизационной фабрике, он весь отдался нелегальной работе. Как-то поздним вечером осенью 1941 года он пришел ко мне, весь промокший от дождя, не спавший три ночи, смертельно уставший. «На этот раз хорошо обошлось,— начал он, особенно довольный. — У Варны встретил их. В лодке прибыли. Полиция напрасно рыскала. Нашел я им безопасное убежище, а потом они поодиночке ушли в глубь страны». Я слушал его и радовался его успеху. Я знал, что речь идет о смелых людях, наших соотечественниках...

В первые месяцы 1942 года я узнал, что начались аресты, и предупредил Вапцарова, чтобы он не ночевал дома, не ходил днем по улицам. И он, действительно, принял меры предосторожности. Но, к сожалению, как видно, было уже поздно.

Ранним утром в начале марта 1942 года Вапцаров был арестован.

Четыре месяца пытали его инквизиторы из управления полиции. Семь раз его связывали веревками, бросали на пол и били резиновыми дубинками до потери сознания...

После четырехмесячного ада мы встретились с ним опять. Встретились в темном закрытом автомобиле, в котором нас перевозили из полиции в центральную тюрьму. Нам вручили обвинительные заключения. Вапцаров взял акт, перелистал его и усмехнулся:

— Для нас требуют смерти. Ничего...

Его бледное продолговатое лицо стало еще длиннее, еще прозрачнее. Высокий и немного сутулый, теперь он еще больше сгорбился. Из груди вырывался сухой подозрительный кашель.

Нас заключили по восемь-девять человек в камеры, которые были предназначены для одного человека. Я попал в камеру вместе с Вапцаровым и журналистом Антоном Поповым. Это было в начале июля 1942 года. Через несколько дней должен был начаться наш процесс — процесс шестидесяти патриотов-антифашистов. В числе подсудимых по этому процессу были и члены Центрального комитета Болгарской рабочей партии, и среди них — старый деятель рабочего движения Антон Иванов.

Нам, подсудимым, совсем не разрешалось выходить на тюремный двор. Всего на несколько минут нас выпускали в коридор. Случилось так, что в первый же день во время такой короткой прогулки мы увидели, как из соседнего крыла тюрьмы, под охраной, вывели группу заключенных.

Спустя час один из тюремщиков сказал нам, что восемнадцать выведенных мужчин расстреляны в туннеле военного стрельбища при арсенале. В числе расстрелянных был полковник Цвятко Радойнов, болгарин, вернувшийся из Советского Союза и вставший во главе вооруженного сопротивления народа против немецко-фашистских поработителей и их лакеев. Одним из первых его помощников в тяжелой нелегальной работе был и Вапцаров.

Когда Вапцаров узнал, что Радойнов расстрелян, он лег лицом вниз, и я видел, как содрогались его приподнятые плечи.

— Знаешь, каким человеком он был? — тихо прошептал Вапцаров, словно доверяя мне интимную тайну. — Такого сердечного, преданного коммуниста, такого теплого человека и друга я никогда не встречал. Он был поглощен круглосуточной работой. А когда он узнал о смерти моего сына, то разволновался и долго расспрашивал меня и утешал...

Как и его учитель в нелегальной работе — Радойнов, Вапцаров принимал близко к сердцу судьбу своих товарищей. К глазку нашей камеры подходили знакомые Вапцарову товарищи и делились своей тревогой по поводу угрожавшего им смертного приговора. Он успокаивал их, шутил, смеялся. Это подбадривало людей.

Наш процесс начался 6 июля 1942 года. Опять нас, закованных в кандалы, вывезли в темном автомобиле в казарму, где рассматривалось дело.

Целых три недели мы провели с Вапцаровым в камере и в зале суда. И ни разу я не видел, чтобы он дрогнул перед смертью, ожидавшей его. Он не говорил о ней. Только как-то поздно вечером, когда, лежа рядом, мы говорили шопотом, чтобы не мешать заснувшим товарищам, он сказал мне:

— Противное дело — смерть. Знаешь, незадолго до моего ареста, когда поздно вечером я шел по покрытой льдом улице, я подумал о смерти. Просто так, представил себе, как в этот миг меня пронзает пуля, я падаю на мостовую и остаюсь лежать. А мостовая покрыта льдом, холодно, отвратительно, мучительно... Ледяные мурашки пробежали по спине. Смерть! Как она отвратительна!

После этого ночного разговора Вапцаров никогда не упоминал о смерти. Он знал, он чувствовал своей богатой душой поэта, что она близка, что, может быть, осталось всего несколько дней. Но не дрогнул...

Иногда ему сообщали о героических подвигах партизанских отрядов его родного края — легендарной Пирин-планины. Он радовался этим хорошим новостям, как ребенок, подробно расспрашивал о каждом знакомом. Если ему сообщали о чьей-нибудь гибели, тень глубокой скорби омрачала его лицо.

А вечером, когда мы ложились спать, он начинал:

— Знаешь, как красив Пирин! У нас нет горы красивее. Самые лучшие детские воспоминания связаны у меня с Пирином. Эх, об одном жалею, что не мог побродить с партизанским отрядом по Пирину...

Чистой, новой, революционной романтикой была полна душа этого тонкого поэта и коммуниста. Будучи матросом, он видел много далеких морей, экзотических берегов и островов. Но красивее всего считал свой родной Пирин. Потом — техник на бумажной фабрике, паровозный кочегар, рабочий софийской утилизационной фабрики — таким был его тяжелый трудовой путь. Он закалился в огне этого труда. И еще более тонкой и чуткой стала его душа революционного романтика, патриота и поэта.

Когда судебная комедия закончилась и председатель суда дал нам последнее слово, Вапцаров заявил:

— Я действовал с полным сознанием, что служу своей родине, как верный сын. Не раскаиваюсь. Милости не прошу.

Нас вернули в камеру. Через три дня, в одиннадцатом часу, всех подсудимых вызвали выслушать приговор. Вапцаров чувствовал, что наступили его последние часы. Но и теперь не дрогнул. Он протянул мне записную книжку в черной кожаной обложке со словами:

— Возьми это и сохрани.

А в этой книжке были новые стихотворения, написанные в дирекции полиции и в тюрьме — его предсмертные стихи.

В зале суда было тягостно, мучительно. Публики было совсем мало — из наших близких пустили немногих.

Председатель суда прочел приговор:

— Именем его величества царя... суд приговаривает к смерти через расстрел Антона Иванова Козинарова, Николу Йонкова Вапцарова, Атанаса Романова, Антона Попова, Петра Богданова...— и он перечислил двенадцать имен.

В заключение председатель объявил, что приговор должен быть немедленно приведен в исполнение.

В зале раздались крики женщин и детей. Женщины и дети целовались в последний раз со своими мужьями и отцами. Расцеловались и мы с нашими товарищами, которых отправляли на стрельбище. Прикоснувшись губами к лицу Вапцарова, я ощутил холод близкой смерти. Но он стоял спокойно, даже слегка улыбался.

— Прощай!— сказал он, и я почувствовал братское объятье человека, товарища, друга...

Младен ИСАЕВ

Никола ВАПЦАРОВ

ВЕРА

Вот я живу,
тружусь,
дышу,
на свой манер
стихи пишу.
Мы с жизнью
строго хмурим лоб,
друг другу
глядя в лица,
и я,
насколько я могу,
с ней бьюсь
и буду биться.

Мы в крепкой ссоре,
жизнь и я,
но нет, не думайте, друзья,
что жизнь мне ненавистна.
Совсем, совсем наоборот!
Когда и смерть ко мне
придет
и в изголовье станет,
жизнь,
только жизнь, с ее
ручищами из стали,
любить я буду,
буду я любить!
Пусть, скажем,
галстук из пеньки
на шею мне набросят
и так при этом спросят:
«Скажи-ка, хочешь ты
прожить
одним хоть часом боле?»,—
взреву я, как от боли:
«Живей,
живей, злодеи,
снимите петлю
с шеи!»

Для жизни все бы
сделал я!
Да, всё бы сделал я,
друзья.
Я за штурвалом, как
пилот,
повел бы новый самолет.
Я мог бы, сев в ракету,
один
отправиться искать
далекую планету.
И был бы счастлив:
под собой
простор я б видел
голубой,
забравшись в высь такую!
Да, был бы счастлив я
вполне.
И знать отрадно было б
мне,
что жив я,
существую!

Но если б, например,
друзья,
отнять кто вздумал у меня
хотя бы зернышко одно
моей несметной веры,
я так бы заревел, вскочив,
как, в сердце пулю
получив,
ревет в лесу пантера.

Что? Что б осталось
от меня
после такой покражи?
Я стал бы жалким нищим!
Я...
Да, если все сказать,
друзья,
после такой покражи,
не в силах быть самим
собой,
я б вовсе сгинул даже.

Быть может, хочет
кто-нибудь
мою разрушить веру
в приход счастливых
новых дней
и в то, что лучше и мудрей
жизнь наша завтра
станет?

Разрушить?! Как и чем,
друзья?!
Быть может, пулей?
Нет, нельзя,
не стоит и пытаться:
на вере у меня броня,
она в груди ведь у меня!
И пули ту броню
пробить
еще никто не смог отлить!
Никто не смог!

ОБСУЖДАЕМ ВОПРОСЫ МАСТЕРСТВА

ПРАВО, НЕ СМЕШНО...

Перед нами шесть очередных книжек «Библиотеки «Крокодила». Перелистываешь их одну за другой, и грустные мысли приходят в голову. Чудится, будто все рассказы и фельетоны, из которых составлены эти книжки, принадлежат перу одного и того же автора, да еще к тому же человека мрачноватого и вовсе не склонного к юмору. Человек этот, судя по его сочинениям, суров и раздражителен, а если ему подчас и кажется необходимым пошутить, то он делает это нехотя, точно выполняя неприятный, наскучивший ему долг. Любопытно также, что этот автор, когда ему случается выступать в жанре сатирических фельетонов, вовсе не стремится воздействовать на носителей зла, о которых он повествует, памятуя слова Гоголя о том, что «насмешки боится даже тот, который уже ничего не боится на свете». Вместо этого в подавляющем большинстве случаев он попросту называет своих героев по имени, отчеству и фамилии, суховато перечисляет их прегрешения и призывает прокуратуру заинтересоваться их деятельностью.

Чем вызвано это удручающее однообразие? Почему в рассказах и фельетонах Б. Егорова и Я. Полищука, Л. Митницкого, С. Шатрова, А. Ерохина, Е. Весенина, И. Костюкова так неизменно повторяются одни и те же черты и шесть книжек, принадлежащих перу семи литераторов, выглядят так, будто писал их один человек?

Видимо, потому, что авторы этих книжек ставили перед собой совершенно одни и те же задачи, а главное — стремились решать их возможно более простым и легко доступным способом. Видимо, потому, что они приложили слишком мало усилий, чтобы поднять те происшествия и тех персонажей, о которых они написали, до уровня сатирических обобщений.

Но будем справедливы. Ведь многие фельетоны, о которых идет здесь речь, опубликованные в свое время в журналах и газетах, принесли несомненную пользу. И кто знает, не будь они напечатаны, где-нибудь и по сей день продолжали бы орудовать жулики и проходимцы, а честным людям от них не было бы житья. Многим, вероятно, памятен, например, фельетон Е. Весенина «Будем знакомы!», иллюстрированный портретами семи ротозеев и обманувшего их проходимца. Можно ли сомневаться в том, что фельетон этот оказался полезным?

Но в том-то и дело, что сила воздействия такого фельетона, в сущности, сведена к оперативному воздействию на судьбу описанных в нем людей, а будь он задуман и написан по-иному, она, эта сила, могла бы оказаться большей. И это становится особенно очевидным, когда перечитываешь фельетон Е. Весенина в книжке. Здесь фельетон выглядит и воспринимается совсем по-иному, чем в газете или журнале, и, читая его, невольно предъявляешь к нему совершенно иные требования.

Ведь помимо того непосредственного влияния, какое оказало выступление фельетониста на судьбу названного им проходимца и его покровителей, можно было рассчитывать, что фельетон научит читателей в любой обстановке и при любых обстоятельствах распознавать молодчиков, похожих на весенинского «героя». К сожалению, в нынешнем своем виде выполнить эту функцию фельетон не сможет никак. Прочтя его, читатель насторожится; если этому читателю вверено какое-либо учреждение, он начнет внимательнее читать документы, предъявляемые людьми, которых ему случится принимать на работу; наконец, он примется подозрительно вглядываться в лица окружающих, но найти среди них Тимофеева, если таковой между ними имеется, ему будет так же трудно, как и до чтения фельетона. И произойдет это потому, что Тимофеев у Е. Весенина — не явление, не тип и даже, в сущности, не характер, а действующее лицо единичного происшествия.

Совершенно такой же метод в борьбе с носителями такого же зла применяет А. Ерохин в фельетоне «Ротозеи» с той только разницей, что здесь отсутствуют фотографии «героев» и что рассказано здесь уже о двух проходимцах и о несколько большем, чем у Е. Весенина, количестве попавших на их удочку простофиль.

Без злости и яда, без тени язвительности или сарказма пишут наши авторы о всяческих мерзостях и мерзавцах, не давая себе труда ни найти типические черты в том, о чем пишут, ни помочь читателю постигнуть природу и смысл этих явлений.

Но от сатирических фельетонов, да еще собранных в книжках, читатель вправе требовать большего. Фельетонистам-сатирикам следует ставить себе иные цели. Их задача гораздо труднее и гораздо почетнее. Им надлежало бы высмеять зло, и высмеять так, чтобы любое его проявление вызывало в воображении читателя образы, навеянные их сочинениями, как это бывает, когда сталкиваешься с моральными уродцами, дураками и негодяями, описанными некогда в баснях Демьяна Бедного, стихах и пьесах Маяковского или фельетонах Ильфа и Петрова. Ведь эти авторы, часто не называя фамилий носителей зла, усложняли их жизнь и препятствовали их деятельности не меньше, чем если бы прямо указывали работникам прокуратуры их точные адреса. И этому никогда не препятствовало оперативное назначение газетного фельетона. Упоминание подлинных фамилий, рассказ об истинных происшествиях вовсе не мешают фельетонисту обобщить явления, о которых он повествует.

Однако книжки, перечисленные нами, составлены не только из фельетонов. В некоторых книжках собраны юмористические рассказы, где действуют вымышленные герои и явственно сказывается стремление к созданию обобщенных, собирательных образов. Здесь также бичуются различные олицетворения порока, но, разумеется, о вмешательстве прокуратуры нет и речи, а строгая сумрачность повествовательной манеры по временам озаряется несмелой улыбкой. Беда лишь в том, что улыбка эта не вызывает у читателя ответного желания улыбнуться.

Возьмем, к примеру, рассказ И. Костюкова «Воспитатель». В нем повествуется о том, как некий Михаил Михайлович Репейников «в один из длинных декабрьских вечеров сидел на районном собрании хозяйственного актива и слушал доклад о состоянии работы среди женщин». Репейников размышляет о том, что сам он совсем не занимается воспитанием жены. Размышления его прерывает такая фраза докладчика: «...Муж растет, учится, а про жену забывает. Даже среди присутствующих еще имеются товарищи, которые...» Здесь автор в свою очередь прерывает докладчика и делает попытку позменить читателя в том именно духе, о каком говорилось выше. Он пишет: «Голова Репейникова медленно стала втягиваться в плечи, и, если бы не кости, он, вероятно, сплюснулся бы до формы блина».

Следующий за этим абзац посвящен новым покаянным размышлениям Репейникова и завершается его решением «немедленно пойти и поговорить с Леной». По дороге домой Репейников размышляет о том, как ему следует приступить к воспитанию жены. Описано это так: «В его голове, как танцующие пары на балу, кружились планы один заманчивее другого». И снова у читателя возникает ощущение, словно автор чего-то ждет от него, и снова ему нечем порадовать автора, потому что уподобление мысленных планов Репейникова танцующим парам не вызывает ничего, кроме горестного недоумения. Но вернемся к рассказу. Придя домой и поужинав, Репейников ложится на диван, по-прежнему раздумывая о воспитании своей жены. Тут глаза его начинают слипаться, и он приходит в себя, только заслышав ее голос. Вот что она говорит:

«...Михаил, я давно хотела с тобой поговорить... Да подожди же ты спать, слышишь!.. Видишь ли, Миша, в чем дело: ты начальник конторы, у тебя есть подчиненные, и я не представляю: как ты ими руководишь?

— Ты к чему это? — ноги Репейникова описали траекторию и опустились на коврик.

— К тому, что ты совсем не работаешь над собой. Книг не читаешь, в кино дорогу забыл, о театре и говорить не приходится. И, признаться, мне стыдно за тебя... Ну, возьми себя в руки, занимайся! Если нужна будет моя помощь, — окажу с удовольствием.

Михаил Михайлович вскочил с дивана, крякнул, но сказать ничего не смог: от неожиданности у него захватило дыхание».

Вот и весь рассказ, мало что потерявший в сокращенной передаче. Можно ли надеяться, что он вызовет у читателя те мысли и эмоции, о которых хлопочет автор? Ведь было бы наивно считать, что И. Костюков действительно высмеял своего Репейникова, что он нашел и показал в нем черты, определяющие его характер, что он высмеял в его лице злонравие, а в лице его жены превознес добродетель. Если говорить о добродетели, то она здесь настолько безлика и дидактична в худшем смысле этого слова, что не может вызвать у читателя решительно никаких симпатий, что же до злонравия, то, право же, художник И. Семенов, иллюстрировавший книжку, сделал для развенчания Репейникова гораздо больше, чем автор рассказа. На рисунке И. Семенова Репейников — это личность, характер, пожалуй, образ мыслей. И поза, в которой он лежит на диване, и его заплывшие жиром маленькие глазки, и пошлые усики, красующиеся на его вполне самодовольной физиономии, — все это неизмеримо красноречивее, чем в рассказе, потому что художник действовал в этом случае методами сатиры, а писатель ими пренебрег. Вместо того, чтобы резонерски подтрунивать над мыслями и поступками своего героя, ему бы следовало показать нам его и показать резко, живо, пристрастно, не боясь комически преувеличить то смешное, что есть в характере этого человека. Автор рассказа этого не сделал, и в результате его Репейников ни у кого не вызовет смеха и никого ничему не научит.

Вообще, надо сказать, что все авторы, о которых идет здесь речь, к методу комического преувеличения прибегают до крайности боязливо. Какая-то робость владеет ими в их попытках находить и писать смешное. То ли это пристрастие к ложно понятому правдоподобию, то ли отсутствие юмористического темперамента, но подлинно комические персонажи и подлинно комические положения появляются в их книжках только в виде редчайшего исключения.

В книжке С. Шатрова есть рассказ «Привычные слова». В нем повествуется об инструкторе райкома комсомола Петухове и его деятельности во время уборочной кампании. Деятельность эта сводится к тому, что Петухов бойко произносит речи о необходимости перенимать опыт лучших комбайнеров и повышать темпы уборки. Все идет гладко до тех пор, пока один из слушателей не просит его рассказать, что именно сделал передовой комбайнер района. Неожиданно оказывается, что Петухов решительно ничего в этом деле не смыслит.

В этом рассказе верен замысел, правдоподобна ситуация, рассказ может даже оказаться полезным с элементарно нравоучительной стороны. Но рассказ начисто не смешон и оставит читателя равнодушным потому, что Петухов подвергнут в нем порицанию, а не осмеянию, и потому, что в его облике нет ни одной резкой черты, которая помогла бы читателю обнаружить сходство с ним в других людях либо в себе самом. Боязнь комического преувеличения, стремление к внешнему правдоподобию не только не сделали этот образ реальным, но даже лишили его той правдивости, какая, казалось бы, должна была быть ему свойственна,— лишнее подтверждение общеизвестной истины, что правда в искусстве достигается не мелочным следованием особенностям натуры, а умением увидеть и показать ее сущность.

Но, разумеется, главная особенность тех персонажей, о которых мы говорили, и многих других, о которых не успели упомянуть, это — отсутствие у них характеров, отсутствие в их облике живых человеческих черт. Исключение составляют лишь очень немногие рассказы и фельетоны, где герои обретают некоторую видимость живости. В их числе в первую очередь следует назвать рассказ Б. Егорова и Я. Полищука «Чуткая душа» и рассказ Л. Митницкого «Строгий мужчина». Достоинство этих рассказов состоит в том, что описанные в них люди чуть сложнее, а нравоучение спрятано капельку глубже. И новый начальник, интересующийся частной жизнью своих сотрудников, и слоняющийся по городу бездельник, ревниво следящий за тем, как работают другие, сначала вызовут у читателя улыбку и уж только затем раскроются ему с назидательной стороны.

В подавляющем же большинстве случаев наши авторы населяют свои рассказы безликими носителями пороков и добродетелей, основное назначение которых состоит лишь в том, чтобы иллюстрировать публицистический замысел вещи. И даже в тех случаях, когда самая суть рассказа сводится к тому, чтобы раскрыть психологический облик персонажа, как, например, в рассказе С. Шатрова «Молодая вобла», перед нами — не человек, а носитель взглядов, не сатирический характер, а отрицательная характеристика.

Вот эта-то подмена живых сатирических характеров «отрицательными характеристиками», эта боязнь резких черт и комических преувеличений, раскрывающих сущность вещей, эта интонация назидательного порицания там, где бесконечно более убедительной была бы насмешка, и составляют ту общность, которая позволила нам говорить об однообразии творческой манеры наших авторов.

Между тем в искусстве, а особенно в искусстве сатирическом, для того, чтобы заставить читателя негодовать или смеяться, недостаточно порицания или полуулыбки. Бороться с уродливыми явлениями действительности надо беспощадно и яростно, применяя в этой борьбе все силы своего ума и таланта.

Г. МУНБЛИТ

ГОЛОСА ЛЮДЕЙ, ЖЕЛАЮЩИХ ВОЗВРАТИТЬСЯ ИЗ ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

Лживыми посулами, провокационными слухами, угрозами, шантажом — всеми средствами пытались враги Германской Демократической Республики вынудить ее граждан покинуть родную землю и перейти на территорию западных зон. Подчас им это удавалось, и люди, поддавшиеся на провокационную пропаганду, бросали свою работу, свое хозяйство и уходили на Запад. Но западногерманская действительность быстро и решительно раскрыла заблуждающимся глаза на истинную цену лживых сказок о золотом «Западе».

Газеты Германской Демократической Республики опубликовали письма граждан, покинувших в свое время территорию ГДР, которые обратились к правительству республики с просьбой о разрешении вернуться обратно. Эти письма — красноречивые человеческие документы.

«...Мы нигде не могли найти себе пристанища,— пишут Гейнц и Гильдергарт Л. из города Унтерзингена, хождение которых по мукам началось еще в мае 1949 года.— С мая 1949 года по август мы находились на улице, были вынуждены нищенствовать и ночевать под открытым небом. Когда мы просили воды, нас нередко выгоняли из домов, натравливая на нас собак. Полиция предупреждала нас, чтобы мы не болтались на дорогах, иначе нас арестуют за бродяжничество. Тогда, как собаки, боящиеся побоев, мы скрывались в лесу. Затем мы попали в лагерь в Корнвестгейме, где нас приняли на 14 дней, но затем снова выбросили на улицу... Потом мы попали в лагерь в Ульме. Работы здесь не было... В одной комнате нас находилось 19 человек. Единственное, что нам предложили, было— отправиться в Канаду. Но мы предпочитаем бороться в Германской Демократической Республике за свободу и мир, а не погибать американскими ландскнехтами...

Ганс Ферстер, который работал в ГДР на руднике, пишет теперь из местечка Друвальд, расположенного в районе Люнебургер Хайде, превращенном в огромный военно-учебный плац: «...Здесь, на Западе, начав работать по своей специальности горняка, я был вынужден терпеть, что каждый штейгер ведет себя, как господь-бог; отдавая произвольные приказы и распоряжения. Здесь и речи не было о товарищеских отношениях между рядовым рабочим и штейгером, к которым я привык в Иоханнгеоргенштадте (район рудной промышленности ГДР. — **Ред.**). Когда мне пришлось по состоянию здоровья отказаться от работы на шахте, я был вынужден продать всю одежду, которую заработал с большим трудом, только для того, чтобы прокормиться. После того, как меня упрятали в районе Люнебургер Хайде в лагерь, я не желаю выжидать, пока созрею для подготовляемой «европейской армии»; хватит и того, что рев моторов английских танков каждый день напоминает нам, для какой роли нас предназначают. Таковы причины, по каким я обращаюсь к вам с этим письмом...»

«Поддавшись провокационной пропаганде проклятого РИАС (американский радиопередатчик в Берлине. — **Ред.**), я отправился на «золотой» Запад и уже три года живу здесь в бараке»,— пишет 24-летний Хорст Рикке из Эккерсдорфа (Бавария).

Вот что пишет молодая женщина Вальтраут Лоренц, очутившаяся в Западной Германии вместе с мужем, бургомистру города Познек (ГДР):

«Нам пришлось испить горькую чашу, попав на Запад. Не будь у нас ребенка и надежды на возвращение на родину, мы наложили бы на себя руки... Нам, бедным людям, здесь, на Западе, никто не помогает, я испытала это сама».

По словам Вальтраут Лоренц, муж ее, несмотря на все старания, не смог найти работы и не получал пособия. Сама же она была настолько истощена и измучена, что потеряла сознание при первой попытке начать работать вскоре после родов. Письмо заканчивается мольбой о помощи и просьбой разрешить вернуться ей и мужу в Германскую Демократическую Республику.

Обвинением против тех, кто делает грязные дела на расколе Германии, является письмо семнадцатилетней Ингрид Гойер из Гревена около Бойценбурга, выражающее боль по поводу перехода ее родных через границу. «Мои родители,— пишет И. Гойер,— 9 марта 1953 года покинули ГДР. Я не знаю действительных причин перехода. Мой отец занимал хорошее положение и неплохо зарабатывал. Я предполагаю, что моих родителей склонили к отъезду болтуны и распространители слухов.

Мне всего семнадцать лет, но, несмотря на мой юный возраст, я приняла решение не пускаться вместе с ними в неизвестность. Вы спросите: почему? В апреле 1951 года моя тетка предложила мне приехать к ней в Западную Германию. Я дала себя уговорить и поехала в Любек. Хотя тетка обещала мне хорошую работу, я была горько разочарована и убедилась в совершенно противоположном тому, что мне обещали... Я зарабатывала всего 20 марок в месяц, работая иногда до 18 часов в сутки. У меня не было обеденного перерыва, и мне не разрешали вечером покидать предприятие. Короче говоря, мне жилось очень плохо.

Не имеет смысла подробно рассказывать о том, что было дальше; я вернулась на родину. Здесь я снова получила права гражданки ГДР и работаю сейчас продавщицей в кооперативном магазине. Мой рабочий день составляет 8 часов, а моя заработная плата в восемь раз больше той, которую я получала в Западной Германии.

Я пишу все это, потому что я не знаю, что стало с моими родителями, и испытываю большое горе из-за того, что они не здесь. Я хочу, чтобы они вернулись обратно. Если бы я могла, я бы сказала во всеуслышание всем тем, кто еще колеблется: не вступайте на путь жизни в лагерях Западной Германии, оставайтесь на родине, доверяйте нашему народному правительству и работайте вместе с ним во имя единой Германии, во имя мира!»

Бесправные скитальцы на дорогах Западной Германии, обитатели лагерей, откуда два пути — либо снова под открытое небо, либо в ряды восстанавливаемого «вермахта», вернувшись на территорию ГДР, снова становятся полноправными гражданами. Недавнее постановление правительства гарантирует им восстановление во всех гражданских и имущественных правах.

Они прошли суровую школу лишений, унижений и нищеты там, где им обещали «райскую жизнь и свободу». Их письма и рассказы о пережитом разрывают паутину грязной лжи, которую день изо дня плетут реакционная западногерманская печать и радио.

Число желающих вернуться на территорию ГДР бурно возросло сразу же после опубликования постановления Совета министров о повышении жизненного уровня населения. Одним из первых вернулся из Западного Берлина крестьянин Юнгхенель, который рассказал в министерстве сельского и лесного хозяйства, куда он явился, следующее: «Коммюнике о заседании политбюро ЦК СЕПГ распространилось в Западном Берлине молниеносно. Всюду только о нем и говорили. Многие хотели дождаться решения правительства. А я утром купил газету и тут же явился в министерство. Я хочу вернуться к своему хозяйству...»

Юнгхенель рассказал, что в тот же день с просьбой о разрешении вернуться в родной город обратился его знакомый — чулочный фабрикант из Ольберсдорфа.

Переселившийся в Западную Германию рабочий Рихард Барков, ознакомившись с решениями правительства ГДР, заявил: «Почти год назад я переехал из ГДР на территорию Западной Германии. Тогда я поверил призывам радиостанции РИАС. Но очень скоро я убедился в том, что обещания эти не имеют ничего общего с действительным положением в Западной Германии. В течение многих месяцев я лелеял мысль вернуться в Германскую Демократическую Республику. Именно поэтому я особенно обрадовался решению Совета министров, так как понял, что мне не надо бояться каких-либо осложнений после возвращения.

Мероприятия Совета министров вызвали среди моих товарищей по работе и среди знакомых, которые, так же как и я, в свое время перешли из ГДР в Западную Германию, большую радость. Я знаю, что пятеро моих знакомых хотят вернуться на территорию Германской Демократической Республики...»

Семья Хюбнер, перешедшая в середине мая в Западный Берлин, также вернулась обратно. Эрих Хюбнер заявил при своем возвращении: «В пятницу я узнал из демократической печати о замечательных решениях правительства ГДР. Вечером того же дня мы явились в отделение народной полиции района Берлин-центр. Я никак не мог ожидать, что мы встретим здесь такое понимание и такую готовность помочь нам... Нас немедленно накормили и удобно разместили. Впервые за долгое время мы снова спали на чистой постели. Кроме того, нам дали билет для проезда на нашу родину и деньги на дорогу».

На улицах Берлина в эти дни можно увидеть такие картины: к постовому народной полиции подходит человек с газетой в руках и спрашивает: «Вот тут говорится: «возвращающиеся должны быть восстановлены во всех своих гражданских правах», это правда? Два месяца назад я уехал из Лейпцига... Поверят ли мне теперь, что я готов честно выполнять свой долг и принять участие в общей работе?». Полицейский вместо ответа протягивает вернувшемуся руку. Так возвратились на родину лейпцигский ремесленник Калюнкейд и многие другие.

Западноберлинские провокаторы напуганы тем, какой широкий отклик получила в Берлине весть о решениях правительства ГДР. Когда на прошлой неделе в пивной, расположенной около вокзала Шарлоттенбург (британский сектор), собрались западноберлинские граждане, чтобы обсудить коммюнике Политбюро Центрального комитета СЕПГ и решения Совета министров ГДР, на них напали бандиты из «Союза немецкой молодежи». Один из участников обсуждения был убит. Машина со штумммовскими полицейскими прибыла к концу расправы и позволила бандитам спокойно удалиться.

Но фашистский террор и бандитские нападения провокаторов не помешали населению Западного Берлина и Западной Германии узнать правду о решениях правительства ГДР, способствующих мирному воссоединению немецкого народа. Все возрастающий поток возвращающихся беженцев и западногерманских граждан, переселяющихся в ГДР, неопровержимо свидетельствует об этом.

achtmal viel wie dir in Westdeutschland. — Ich schreibe
das alles weil ich nicht weiß was mit meinen Eltern ist
und empfinde tiefen Schmerz, das sie nicht hier sind.
Mein Wunsch ist, das sie den Weg zurück finden sollen.
Wenn ich es könnte so möchte ich allen denen die
da noch schwanken zurufen: Geht nicht ins ungewisse
Lagerleben nach Westdeutschland, bleibt in eurer Heimat
vertraut unserer Volksregierung und arbeitet mit ihr
für ein einheitliches Deutschland und für den Frieden.

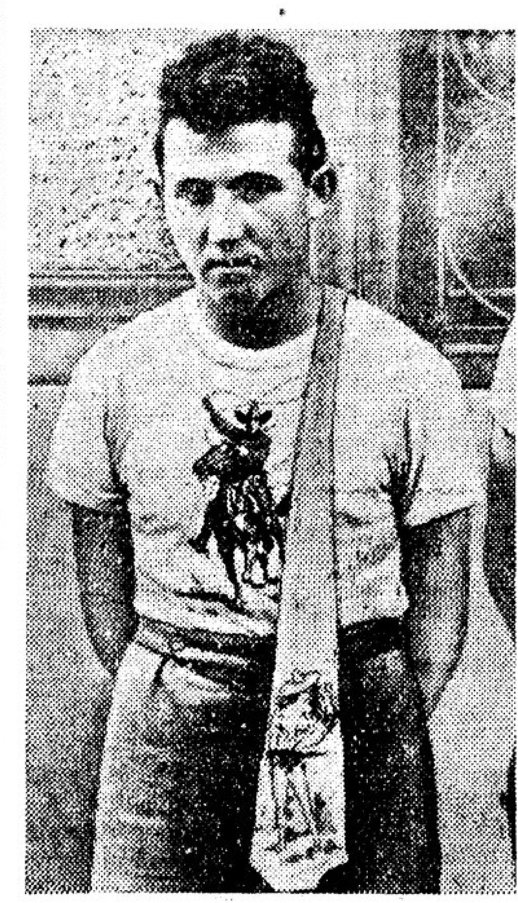
Ingrid Heuer

...в восемь раз больше той, которую я получала в Западной Германии. Я пишу все это, потому что не знаю, что стало с моими родителями, и испытываю большое горе из-за того, что они не здесь. Я хочу, чтобы они вернулись обратно. Если бы я могла, я бы сказала во всеуслышание всем тем, кто еще колеблется: не вступайте на путь жизни в лагерях Западной Германии, оставайтесь на родине, доверяйте нашему народному правительству и работайте вместе с ним во имя единой Германии, во имя мира!

Ингрид Гойер

Факсимиле письма молодой немецкой работницы Ингрид Гойер, помещенное в газете «Тэглихе рундшау»

ТИП ФАШИСТА-ГРОМИЛЫ

Как мы уже сообщали, в газете «Нейес Дейчланд» на днях была опубликована фотография одного из тех молодчиков, которые принимали участие в фашистских провокациях в Берлине 17 июня. Вот эта фотография, полученная нами из Берлина. Характеризуя изображенного на снимке бандита, газета «Нейес Дейчланд» писала: «Техасская рубашка ковбоя, техасский галстук с изображением полуодетой женщины, техасская прическа, лицо громилы — таковы рыцари «западной цивилизации».

У фашистского бандита растерянный вид и пустой, угрюмый взгляд. Вместе с другими провокаторами и иностранными агентами он был заслан из западных секторов Берлина для совершения поджогов, убийств, грабежей и бесчинств в столице Германской Демократической Республики. Как и другие иностранные наймиты, он делал это за деньги. Теперь он попался с поличным.

В «РАЮ» АДЕНАУЭРА

Американские оккупационные власти в Западной Германии широко практикуют конфискацию жилищ у населения. Делается это самым бесцеремонным образом: немцев выселяют из приглянувшегося янки здания в какие-либо трущобы, а дом поступает в распоряжение военной администрации. Легко представить, что переживают люди, насильно согнанные с насиженных мест, имевшие свой угол и вдруг очутившиеся в помещениях, которые вернее назвать развалинами.

На этом фотоснимке запечатлена сцена, разыгравшаяся в Дюссельдорфе во время очередного выселения: женщина-немка лишилась сознания, увидев, в какой абсолютно непригодный для жилья «дом», в какую яму толкают ее семью... Сорок три семьи трудящихся Дюссельдорфа переселены в полуразрушенное предместье города, в помещения, где нет ни одной уборной и где на всех имеется лишь один водопроводный кран.

Международная почта

ГАНГСТЕРЫ В США

Зловещая фигура гангстера, возвышающаяся над американским городом... Под рисунком — не менее зловещая подпись:

«Познакомьтесь с отчетом ФБР — число грабежей возросло на 13,8 процента. Краж со взломом — на 8,7 процента. Простых краж — на 4,8 процента.

Эти цифры продолжают все время расти и расти!

Нельзя относиться безразлично к усиливающейся угрозе вашему дому и вашему бизнесу. Добыча грабителей, взломщиков и воров в 1951 году выразилась в сумме, превышающей 151 миллион долларов. Данные Федерального бюро расследований показывают, что в 1952 году число краж стало еще больше».

Так выглядит рекламное объявление бостонских страховых компаний «Имплойерс груп иншуренс», помещенное в американском еженедельнике «Тайм».

Никогда еще в США преступность не приобретала таких огромных масштабов, как ныне. Даже по официальным данным, в прошлом году в Соединенных Штатах было совершено более 2 миллионов крупных уголовных преступлений — на 13,2 процента больше, чем в 1951 году. Каждые 15,5 секунды в стране совершалось крупное уголовное преступление!

Само собой разумеется, что рядовому американцу, не без оснований обеспокоенному разгулом гангстеризма, есть над чем серьезно призадуматься.

Реклама из американского журнала «Тайм»

Именно из этого и исходят страховые компании, стремящиеся путем взимания страховых взносов выудить у обывателей те деньги, которые еще не успели перекочевать в карман бандитов.

Эта реклама — красноречивое подтверждение общеизвестной истины: гангстеризм стал неотъемлемой частью американской действительности.

ПУШКИ ВМЕСТО РИСА

Рис — один из основных продуктов питания в Японии. В прошлом он был доступен даже для небогатых семей — так много риса возделывалось на полях. Но теперь все изменилось, и сбор риса сокращается с каждым годом. В чем же дело? Дело в американской оккупации Японии — это вынуждена признать выходящая в Токио на английском языке буржуазная газета «Ниппон таймс». Американцы превращают Японию в военный плацдарм. Огромные пространства земли отводятся для постройки аэродромов, военных складов и казарм. Крестьян сгоняют с плодородных полей. Вот данные, приводимые газетой «Ниппон таймс»:

Сбор риса сократился в Японии больше чем на 132.900 бушелей из-за передачи пахотной земли американским оккупационным властям и Корпусу национальной безопасности (так называется регулярная японская армия). Всего американское и японское командование получило 89.069 акров земли. На этой площади созданы воздушные базы, учебные плацы и казармы.

Нехватка риса в Японии настолько велика, что его приходится импортировать. Зачастую японские власти закупают для этой цели рис самого низкого качества, а иной раз и вовсе непригодный для еды. По словам газеты, власти «ввозят из Бирмы желтый заплесневелый рис, вызывающий тяжелое заболевание печени».

Когда министерство социального обеспечения рекомендовало министерству сельского хозяйства изъять ядовитый рис из продажи, ответ не заставил себя долго ждать: населению «посоветовали»... сократить потребление риса, то есть сесть на голодный паек.

Но и этого мало. «Ниппон таймс» сообщает, что американское командование потребовало новой земли — еще 239.105 акров для строительства военных объектов. Можно не сомневаться, что правительство Иосида пойдет навстречу своим американским хозяевам. Японские же крестьяне не намерены отдавать землю оккупантам и умирать из-за этого голодной смертью. Газета «Асахи» пишет, что по всей стране ширится движение сопротивления насильственной реквизиции земельных участков.

ЭМИССАР МАЛАНА В ДАНИИ

Олуф Ларсен — крупный датский промышленник, вот уже 42 года проживающий в Южно-Африканском союзе.

Видимо, соскучившись по родным местам, он посетил недавно Данию. Корреспондент газеты «Ольборг стифтстиденде» взял интервью у «знатного» гостя, оказавшегося при ближайшем рассмотрении отъявленным расистом. «Сторонники равноправия всех рас утверждают, что единственным различием между черными и белыми является цвет кожи. Это неверно... Должно пройти 15.000 лет, прежде чем туземцы смогут достичь уровня, на котором находятся сейчас европейцы», — заявил Ларсен корреспонденту «Ольборг стифтстиденде».

Расхвалив южно-африканского премьер-министра Малана и его политику «сегрегации», Ларсен прямо перешел к существу вопроса: «Без Объединенных Наций, этого величайшего несчастья человечества... мы могли бы превосходно обойтись. Ведь большинство стран, являющихся членами ООН, населено не европейцами, так что они в первую очередь отстаивают интересы цветных».

Высказывания Ларсена выдают с головой его самого и его покровителей. Темное царство Малана — питомник фашистского расизма.

ИСТОРИЯ С ПАМЯТНИКОМ ГЕЙНЕ

Великий немецкий поэт Генрих Гейне родился, как известно, в 1797 году в городе Дюссельдорфе. Известно также и то, что до сего времени поэту не поставлен памятник в его родном городе.

В конце прошлого века в Германии был учрежден специальный фонд для сооружения памятника Гейне. Из различных городов страны и из-за границы в этот фонд поступили немалые суммы денег, но реакционные круги Германии всеми силами препятствовали сооружению памятника. После первой мировой войны фонд во время инфляции растаял. Затем учредили новый фонд, объявили конкурс, образовали жюри... Жюри отдало предпочтение проекту, который изображал Гейне не революционным поэтом, не мужественным борцом против реакционного пруссачества, милитаризма и шовинизма, а сентиментальным романтиком. Но и этот памятник не был сооружен. Фашисты, придя к власти, запретили книги Гейне, вычеркнули его имя из всех учебных программ, и даже песню «Лорелей», которую нельзя было изъять потому, что ее знал наизусть каждый немец, уже не дозволялось называть произведением Гейне.

Нынешний магистрат Дюссельдорфа снова решил заняться сооружением памятника Гейне. Не следует, однако, думать, что «отцами города» руководила при этом горячая любовь к памяти поэта, многие сатирические стихи которого звучат так, словно они написаны сегодня и высмеивают боннских правителей. Но памятник Гейне сделал бы город более привлекательным для туристов, означал бы еще одну выгодную достопримечательность. Потому ли, что на этот раз «отцам города» не удалось собрать необходимых средств, но только памятник так и не был бы поставлен, если бы не Гуго Генкель, владелец фирмы, производящей стиральный порошок «Персиль».

75-летие своей фирмы он решил отметить несколько своеобразно, позаботившись не столько о памяти Гейне, сколько о рекламе. Он подарил Дюссельдорфу бронзовую скульптуру, которая, правда, не имеет никакого отношения к Гейне, а представляет собой женскую фигуру с преувеличенно пышными формами. Однако, по «авторитетному» суждению фабриканта стирального порошка, скульптура эта может явиться символическим выражением творчества поэта.

Такова история сооружения в западногерманском городе Дюссельдорфе «памятника» Гейне. Точнее, история постыдного надругательства над памятью поэта.

„ПОПАДИ В НЕГРА!“

Место действия: нью-йоркский «парк культуры» на Кони-Айлэнд.

Время действия: наши дни.

Нелегко представить себе, но факт остается фактом: то, что изображено на рисунке, называется... «аттракционом». Большая надпись слева зазывает: «Попади в негра!» Жаждущие «развлечений» платят по 50 центов, получают теннисные мячи и со всего размаха бросают их в лицо живому человеку. Попавший в «цель» награждается сигарой.

Рисунок Ханса Шерфига из газеты «Ню даг»

Так «отдыхают» в американских «парках культуры»... Свидетелем этой сцены был датский писатель и художник Ханс Шерфиг, который и сделал воспроизводимую нами зарисовку.

Смесь

Входная плата: старые брюки. Газета «Эстэррейхише фольксштимме» сообщает, что в Марселе давно уже функционирует так называемый «кинотеатр нищих». В кассе этого кинотеатра можно приобрести билеты не только за деньги, но и за пару стоптанных ботинок или рваный пиджак. Предприимчивый владелец кинотеатра открыл в том же здании лавчонку, где сбывает собранное кассой старье.

Как погибла Лотти. Восемь детей было у Флосси Креншоу—вдовы, проживающей в доме № 628 по Барбер-стрит в Чикаго. Это — трущобный дом, кишащий насекомыми и крысами. Как-то раз ночью, рассказывает газета «Уоркер», семья была разбужена криком девятимесячной Лотти — младшей дочери Креншоу. Один из братьев девочки встал и, чтобы успокоить ее, погладил Лотти по голове. Рука его оказалась в крови... Через несколько дней девочка умерла — ее загрызли крысы.

В память «заслуг»... Из Киля (Западная Германия) сообщают, что инстанция, ведающая пенсиями для семейств бывших военнослужащих, решила осчастливить пенсией вдову кровавого эсэсовского генерала, палача чехословацкого народа Рейнгольда Гейдриха.

Вдова Гейдриха, казненного патриотами в Праге, проживает в Западной Германии в чести и в довольстве.

По стопам Маккарти. Вот что рассказал на страницах газеты «Юманите» рядовой французский рабочий: «16 мая 1953 года я предложил свои услуги директору завода сельскохозяйственного оборудования в Мэ-ан-Мюльтьен. Меня приняли и велели притти работать через неделю. Однако после ознакомления с моими документами мне сообщили, что принять меня не могут, так как я коммунист. Мне предложили «переменить убеждения и выйти из рядов партии».

Немаловажная деталь: вышеупомянутый завод, дирекция которого действует в стиле Маккарти, находится в прямой зависимости от долларовой «помощи». Как говорится: с кем поведешься, от того и наберешься...

Автомат для расистов. Американская газета «Саузерн пэтриот» опубликовала снимок автомата для продажи «кока-кола». Справа — рычажок «для белых», слева — «для цветных». «Однако все деньги собираются в одном и том же месте», — не без иронии замечает газета.

ОБЗОР НЕМЕЦКОЙ ПЕЧАТИ

НОВЫЙ КУРС

В Берлине оживленно обсуждают постановления Совета министров Германской Демократической Республики, принятые на вчерашнем заседании правительства. Каждый честный немец видит в этих постановлениях яркое свидетельство последовательного и неуклонного осуществления нового курса, курса, направленного на быстрое улучшение жизненных условий трудящихся. Мероприятия, предложенные недавним пленумом ЦК СЕПГ, приняты правительством и имеют отныне силу закона. Это значит, что новый курс вступил в действие.

Ближайшее будущее покажет благотворное влияние постановлений Совета министров на дальнейшее укрепление молодой растущей демократической республики. Впрочем, многое заметно уже сейчас. Демократическая печать сообщает новые факты о людях, в свое время ушедших на Запад, а ныне возвращающихся в родные места. Добрый признак! Эти люди верят правительству Германской Демократической Республики и готовы честно помочь ему осуществить намеченную программу.

Размеренный, деловой темп жизни республики, несколько нарушенный было попыткой фашистского путча, теперь восстановлен. На улицах и площадях демократического сектора Берлина почти ничто уже не напоминает о недавних бесчинствах иностранных наймитов. Сводки о работе предприятий народной промышленности говорят о трудовых успехах. Вот несколько характерных примеров. Коллектив станкостроительного и часового завода «Рула» имени Клемента Готвальда 19 июня выполнил свой дневной план на 106 процентов, 20 июня — на 113 процентов. Автомобильный завод в Эйзенахе в эти же дни дал более 120 процентов плановой продукции. Железнодорожники округа Эрфурт 21 июня рапортовали о досрочном выполнении полугодового плана грузовых и пассажирских перевозок.

Крупнейшая газета республики, орган ЦК СЕПГ, берлинская «Нейес Дейчланд» много внимания уделяет новому курсу партии и правительства. На страницах этой газеты обсуждаются уроки событий 17 июня. Сегодня на самом видном месте на первой полосе «Нейес Дейчланд» поместила коммюнике о вчерашнем заседании Совета министров, его постановления. Целая страница газеты отведена большому и принципиальному разговору руководящих деятелей партии и государства с трудящимися. Этот разговор ведется сейчас на многочисленных собраниях рабочих коллективов крупнейших заводов Берлина и республики.

Под заголовком «Трудящиеся «Лейна-Верке» высказывают свое мнение» публикуются выступления рабочих во время встречи с Вальтером Ульбрихтом. Тут же — большая выдержка из заключительного слова Рудольфа Гернштадта, кандидата в члены Политбюро ЦК СЕПГ и главного редактора «Нейес Дейчланд», на собрании рабочих берлинского завода «Сименс-Плания». В этом материале, как и во многих других, откровенно обсуждаются самые злободневные вопросы экономической и политической жизни республики, работа партии и государства.

Извлекая уроки из недавних событий, СЕПГ честно и прямо советуется с трудящимися, разъясняет им существо и цель фашистской провокации, мобилизует народ на совместную дружную работу во имя счастья и мира.

Кроме этих материалов, на шести объемистых страницах «Нейес Дейчланд» читатель найдет сообщение о крупных денежных ассигнованиях на улучшение торговли в округе Эрфурт, рецензию на известный уже в СССР роман Фридриха Вольфа «Летающие блюдца», посвященный разоблачению военного психоза в США, отрывок из романа Отто Готше «Мартовские штурмы», сообщение о новом рекорде немецкой спортсменки из города Галле Урзулы Юревиц, которая пробежала 400 метров за 55,7 секунды. Газета поместила репортаж и снимки, показывающие дружеские отношения между нашими воинами и немецким населением. Мы видим на фотографиях, снятых в Берлине, наших солдат, принимающих цветы от немецких детей, видим советских офицеров, танцующих на Унтер ден Линден с немецкими девушками...

Одно из сообщений агентства АДН, опубликованных сегодня, проливает дополнительный свет на кухню, в которой готовилась фашистская провокация. Ссылаясь на парижскую газету «Юманите», агентство АДН сообщает о том, что в течение недели в Берлине находятся начальник американской разведки Аллен Даллес и один из специалистов по германскому вопросу Элеонора Даллес, брат и сестра американского государственного секретаря Джона Фостера Даллеса.

Весьма характерна также статья, опубликованная на днях гамбургским журналом «Дер шпигель». Подробно рассказав об усилиях Аденауэра помешать любому ослаблению международного напряжения, «Дер шпигель» отмечает тесную взаимосвязь этих усилий с фашистской провокацией в демократическом секторе Берлина. Журнал пишет: «Пламя бесчинств разгорелось в тот момент, когда группы западноберлинских демонстрантов вошли через Бранденбургские ворота в советский сектор столицы...»

Все честные люди Германии гневно осуждают преступления иностранных наймитов. В результате фашистской провокации, как сегодня сообщает демократическая печать, было убито 25 человек, имеется много раненых.

Одной из первых возвысила свой голос протеста против бандитских действий провокаторов известная немецкая писательница, лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» Анна Зегерс. Ни один писатель Германской Демократической Республики, заявила она, не вправе остаться в стороне от событий 17 июня. Его долг — заклеймить больших и малых убийц и бандитов разящим оружием писательского слова. В обращении к друзьям по профессии Анна Зегерс пишет:

«Ничто не может так ясно указать писателям на их задачи, на их ответственность, как то, что произошло. Мы будем продолжать итти по намеченному пути, как это указано в Воззвании Всемирного Совета Мира, где говорится: «Мы должны помешать действию тех, кто препятствует или затягивает достижение соглашения».

Этот призыв Анны Зегерс, который проникает в глубину сердца не только каждого писателя, но и каждого честного человека, не остается в Германии без ответа.

М. КАРПОВИЧ

БЕРЛИН, 26 июня. (По телефону)

Главный редактор К. СИМОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б 02807.